

АЛЕСЬ ВИРЕЛЬ ВЕДЬМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алесь Вирель

Ведьма

«Автор»

2026

Вирель А.

Ведьма / А. Вирель — «Автор», 2026

Мозг медленно заплывает жиром. В душе свербит бесконечная, бескрайняя тоска. Главный герой выходит за собственные рамки, в один момент уехав в глухую деревню. Там он встречает её — такую юную, прекрасную... но так ненавидимую местными "ведьму". Она — моральное табу, но именно ей суждено стать новой вехой в жизни главного героя. Какую тайну хранит в себе вечное одиночество ведьмы? Что стало причиной её затворничества? И кто, в конце концов, она для него — столь вожаделенная отдушина или настоящее проклятье, что сожжёт дотла?

© Вирель А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ведьма

Глава

ПРОЛОГ

"Будь как дома, Путник..."

Король и Шут — "Лесник".

Ледяная вьюга бьёт в лицо нескончаемым потоком снега. Боль охватывает всё тело, сдавливая, словно тиски, обмороженные пальцы. Болит всё, но пальцы особенно. И наиболее сильные очаги боли образовались на самых верхушках подушечек — самых чувствительных местах. Кровь с большим трудом циркулирует по сдавленным капиллярам, принося невероятные мучения.

Тяжёлые ресницы слипаются от снега, а в груди воцарилась небывалая пустота, словно вакуум, высасывающий из организма все силы. Истощение — паразит, изгнать которого способен только сон, но мечтать о нём всё ещё не приходилось. Скорее, наоборот. В таких условиях он может убить.

Вдалеке он видит свет. Только бы это не было иллюзией...

Но нет. Видимо, там и впрямь деревня.

Тусклый свет одинокого фонаря выдаёт силуэты будто бы опустевших хат. Их немного, по крайней мере, тех, что попадают в поле зрения. Большинство из них выглядят, как огромные покосившиеся сугробы, раскопать которые не удосужится никто до самой весны, но та, что возле фонаря, вроде бы выглядит более-менее. Да и плевать ему. Главное, чтобы в окнах не было существенных дыр, и крыша оказалась цела.

Дверь запирает замок — громоздкий, амбарный, однако всего лишь два рывка и хлипкий засов, громко лязгнув, оказывается под ногами. Пальцы отзываются жуткой болью, и в ответ на металлический звон раздаётся негромкий человеческий вскрик.

И всё же, он оказался внутри, в этой старой, заброшенной, ветхой халупе. Кому ещё так могло повезти? Благо, волков в этих краях не повстречалось... хотя пару раз казалось, будто он слышал отдалённый вой, и в глубине души надеялся на разыгравшееся воображение.

Жёлтый свет фонаря вошёл за ним следом, выдавая очертания затхлых, холодных сеней. Пустые, покрытые инеем вёдра, промёрзший дощатый пол, малюсенькое одинокое окошко, однако он не собирается останавливаться в сенях. Приподняв нехитрую щеколду, путник проходит дальше. В первой хате немного теплее, здесь он и принимает решение остановиться. Конечно, можно было бы пошарить по стенам, в поисках двери, ведущей вглубь дома, но после холодрыги снаружи он и здесь чувствует себя как у Христа за пазухой. Тепло, и ладно.

Не в силах сделать ни единого шага больше, путник падает на пол, прямо на живот, поджав руки под грудь. Так полегче.

Тишина. Только завывание вьюги за окном и звук его собственного дыхания. Рассудок медленно погружается в сон, и путник не желает сопротивляться.

Глухой грохот вырывает его из забытья. Он открывает глаза и с ужасом осознаёт, что всё ещё находится в этом доме, в крошечной темноте, и всё так же плохо, кроме одного.

Холод стал немного более щадящим. Его тело всё ещё подрагивает, но стоит лишь приподнять голову, как тут же кожи касается тёплый воздух, лёгкая масса которого, по обычаю, поднимается к потолку.

Теперь дверь в соседнее помещение видна как нельзя лучше. Сквозь её щели проникает мягкое оранжевое свечение, и не трудно догадаться, что именно стало его источником.

Будто зачарованный, путник инстинктивно двинулся туда, поближе к теплу и свету. Из-за двери доносятся тяжёлые шаги. Кто-то бродит по хате, тяжело дыша и тихо постанывая. Но это его не напугает — усталость и только усилившееся желание согреться не позволяют ему упустить возможность представиться хозяину дома.

Поднявшись на ноги, он с приятным удивлением обнаруживает, что может идти, да и пальцы уже болят не так сильно. Наверное, обморожение оказалось не таким уж глубоким...

Тем лучше.

Дверь поддаётся без проблем. Просторное, мрачное помещение предстаёт его взору, посреди которого расположилась печь в форме цилиндра. Открытая заслонка демонстрирует пылающую топку. Жаркое пламя дарит помещению то самое мягкое оранжевое свечение и тепло. В полумраке редкие окна кажутся чёрными, неживыми. В их стёклах не отражается ничего, ровно как ничего не проглядывается в словно замызганных сажей зеркалах.

Стены оклеены молочными обоями с нелепыми рисунками лилий. По крайней мере, такими они кажутся в впотьмах. Но ещё более нелепыми выглядят тельца многочисленных насекомых, каждое из которых прикреплено к стене швейной иглой. Засохшие пчёлы, бабочки, мухи, майские и колорадские жуки, мотыльки и божьи коровки, клопы, пауки, шершни, и даже жук-олень... вроде бы в единственном экземпляре. Каждая стена представляет из себя дурацкий, колхозный инсектарий, будто тот, кто его создавал, был одержим не тягой к естествознанию, а тягой к какому-то оригинальному извращению.

Всё внутри велит уйти. Всё внутри говорит, что он оказался в доме, принадлежащем человеку с нездоровой психикой. Но он не может даже помыслить о том, чтобы убраться.

Дыра в душе. Пустота, огромная, будто метеоритный кратер, заставляет его остаться. Она чувствует нечто важное для себя. Путник игнорировал её зов слишком долго, так долго, что теперь не в силах управлять собой. Она владеет им целиком и полностью.

Страшно, дико, необычно... и в то же время он испытывает некое сладкое предвкушение, как в детстве, будто бы открывая новогодний подарок. Есть только он и это пугающее, но такое завораживающее чувство новизны, неизбежности, непознанности. И всё внутри приковано к нему, словно губы младенца к материнской груди.

Откуда-то слева доносятся звуки возни. Путник знает, что человек в этом помещении представляет опасность, но он не боится. Человек, таящийся впотьмах, свой. Они близки, хоть и ни разу раньше не встречались, и путник чувствует тепло... не от огня. Он чувствует тепло, как от общества родного, невероятно близкого человека. Прямо здесь, в этой тёмной, затхлой избе, пропитанной зловонием старости и гнили. Этакий островок уюта и комфорта, существующий прямо в душе. И в этом его сила. Он всегда будет у путника в сердце, куда бы он ни отправился, и теперь он знает, что всё будет хорошо, а любая дорога приведёт его к успеху. Ибо только смерть сумеет остановить его решимость.

Человек впотьмах занят делом. Перед ним, на полу, лежит бездыханное тело женщины. Её брюшная полость вскрыта, и руки убийцы ловко перебирают её внутренности. Человек абсолютно наг. Его тело усыпано ссадинами и многочисленными царапинами. Длинные волосы склеились от влаги, превратившись в мокрые чёрные "сосульки".

Он сосредоточен, будучи целиком поглощённым процессом. Путник не вмешивается в его дела, предпочитая просто наслаждаться теплом, ничего больше. Однако он первый прерывает молчание:

— Осуждаешь меня?

На его лице неуверенная улыбка, будто он ждёт негативной реакции. Впрочем, оно и неудивительно.

— Нет, — отвечает Путник, и абсолютно не кривит душой. — Совсем нет.

Его голос звучит мягко, как будто он говорит со своим старым, хорошим другом, и множество добрых воспоминаний связывают их души.

Человек впотьмах одобрительно кивает. Он верит, и продолжает изучать внутренности убитой. Его окровавленные пальцы извлекают длинную кишку, вытаскивая её наружу, словно грязный склизкий шланг. Затем настает очередь маленького, покрытого кровью комочка. Возможно, сердце... возможно, селезенка.

Путник глядит в огонь, наслаждаясь теплом и уютом столь неприветливого места.

— Знаешь, — раздаётся голос из темноты, — эти трансформации даются мне всё труднее. А она... — человек замирает, глядя куда-то в сторону, — она, кажись, чувствует себя отлично. — Он пожимает плечами: — Не знаю. Я немолод, и... ай! — Короткий взмах руки как символ безразличия.

— Что ты хотел сказать? — Путник внезапно понял, что ему и впрямь интересно. Интересно не из страха перед этим зверем в человеческом облике, а потому, что этот самый зверь чудится ему родным. Странное милое чувство.

— Я хотел сказать, что от этой жизни невозможно отказаться. — Человек впотьмах облизывает покрытый густой кровавой массой указательный палец. Вкус крови, очевидно, придаёт ему бодрости, а в его тёмных глазах появляется здоровый блеск. — Не потому, что я не хочу. Напротив, я бы хотел научиться контролировать этот процесс. — Он снова отводит задумчивый взгляд в сторону, подбирая нужные слова. — У меня есть всё. — Внезапно бросает он. — В той жизни. Всё. Но я бы отдал все свои деньги за одну малюсенькую возможность жить так всегда. Это и есть свобода. И ты так же жаждешь этого. Я вижу. Я сразу почувствовал в тебе этот всепоглощающий дух. И только поэтому ты до сих пор жив.

В его словах нет угрозы. Только доброта и взаимопонимание.

Путник хотел было сказать, что всё не так, что он оказался здесь случайно, но человек впотьмах уже начал есть. Мелкие косточки хрустят на его зубах. Он с аппетитом обсасывает мякоть окровавленной плоти, вгрызается в нежную массу внутренних органов. Всё сильнее... сильнее... усерднее и чаще. Кровь стекает по его подбородку. Густая. Она уже начала сворачиваться, но он всё ещё может насладиться её теплом.

Путник глядит на огонь. Языки пламени резво пляшут в топочной пасти, заставляя поленья издавать убаюкивающие потрескивания. Так хорошо. Так тихо. Так спокойно.

Он дома.

Человек впотьмах прекратил жевать. Он насытился. Не вдоволь, но пока сойдёт. По крайней мере, теперь он может связно мыслить. Он вытирает рот тыльной стороной ладони и говорит:

— Так, я, кажется, всё понял. Я знаю, в чём причина. — На его лице возникает хитрая улыбка, однако Путник не видит в ней злого умысла. Это радует. — Пойдём со мной. — Его рука касается предплечья Путника, но тут же встречает лёгкое сопротивление.

— Куда?

— Сейчас увидишь.

Только тепло, доверие и безграничная поддержка на фоне умертвляющего холода и безнадежной тьмы вокруг.

Они проходят к дальней стене опустевшей хаты, по дороге переступая через разбросанные по всему полу лохмотья: обрывки ткани, куски старых одеял, скомканные, изуродованные временем телогрейки.

У самой стены человек, теперь уже вышедший из тени, нащупывает на полу ржавое железное кольцо и тянет его вверх. Вслед за ним с пола поднимаются несколько сколоченных между собой досок, открывая путь в подпольный лаз. Обычный погреб, глубиной чуть больше метра, холодный и сырой, как и все ему подобные помещения.

Человек возвращается к печке и извлекает оттуда горящую лучину. С её помощью он разжигает огонь в керосиновой лампе, подвешенной на крючке под самым потолком погреба. Её свет озаряет серые, холодные стены из огромных асимметричных камней, уложенных друг на друга.

— О! — Человек указывает на длиннющий тёмный туннель, ведущий бог знает куда. — Прокопал ещё летом. Не знаю, зачем, — он глупо улыбается, — во время очередного сезона. Он ведёт в баню. Нам не придётся идти по морозу.

В свете лампы лицо человека напоминает череп: впалые глазницы, высокие тощие скулы. Возможно, он не ел несколько дней. Возможно, просто такая форма лица.

Он ныряет в темноту туннеля, которая отступает с трудом, даже перед светом керосиновой лампы, и путник идёт вслед за ним. Не сказать, что здесь намного теплее, чем снаружи, зато хотя бы нет метели. Её дикие, надрывные завывания доносятся с заснеженных просторов, от которых их отделяет лишь тонкий слой промёрзших досок, сверху присыпанных землёй — хлипкая и в то же время непоколебимая, неоспоримая гарантия безопасности.

Земля настолько холодная, что каждое прикосновение к ней пробирает руки до самых костей. Но человек впереди будто не чувствует холода, несмотря на свою наготу. Путник видит его исцарапанную спину, видит клоки тёмно-серой шерсти, прилипшие к засохшим подтёкам крови на лопатках, шее и даже на тонких, как спички, бёдрах. Его стопы испачканы землёй, кровью, крохотными фрагментами человеческих тканей.

С каждым шагом происходящее всё больше походит на глубокий сон в наркотической коме, однако путник продолжает идти. Это чувство внутри не отпускает. Это приятное, нежное тепло. Будто он нашёл что-то родное, что-то доброе. Что-то своё. Оно не даёт остановиться. Оно порождает только доверие и радостное предвкушение, как в детстве, позволяя не обращать внимания на холод и давящую темноту вокруг, которая режет душу чувством обречённости и безысходности, будто старый ржавый нож, лезвие которого покрыто многочисленными кривыми зазубринами.

Шли долго. Под ногами начинает хлюпать грязь, а воздух становится заметно теплее. Температура всё выше. Воздух становится всё более вязким. Его клубы попадают в горло, с непривычки обжигая гортань.

Всё глубже и глубже в туннель... всё сильнее и сильнее в ноздри бьёт запах сырости. "Это пар, — догадался путник". А значит, над ними баня.

Человек с керосиновой лампой упирается в тупик. Стенки туннеля сузились в нём, образовав лишь нишу, заваленную сухими ветками с гнилой листвой. Дуб, берёза, осина — многочисленные обрывки того, что не пошло на веники.

— Сюда. — Человек с керосиновой лампой взбирается по неприметной деревянной лестнице.

Лезет он недолго, буквально пара шагов, и тут же толкает рукой деревянный люк. Туннель ещё больше наполняет тепло. Путник видит, как тусклый свет пробивает полумрак, а вместе с ним в это тёмное пространство влетают несколько едва заметных клубов пара, тут же растворяясь в воздухе. Всё происходящее кажется таким чуждым... и таким родным. Будто вся эта атмосфера, окружение — всего лишь декорации, за которыми прячется дом. Его дом. Место, где всегда тебе рады, где ты чувствуешь себя живым. И свободным. И никто не осудит тебя за эту свободу, в чём бы она ни выражалась.

Карабкась по лестнице, Путник осознаёт, что готов раствориться здесь. Остаться навечно среди этих стен. Впитаться в них, словно пар в дощатый пол предбанника.

Кстати о нём. Предбанник представляет собой совсем небольшое помещение. В центре него зияет свет ещё одной керосиновой лампы, подвешенной к потолку. Окон нет, лишь хлипкая, покосившаяся дверь, запёртая, однако, на длинный чугунный крюк.

Не успевает путник выбраться, как дверь парной тут же распахивается и на пороге появляется хохочущая черноволосая девица. За ней другая: высокая шатенка, стройная, звонкая, как прут лозы. Брюнетка чуть пониже, но грудь и бёдра у неё заметно крупнее. Да и лицо, в целом, выглядит более округлённым, что всё же не лишает её невероятной притягательности. Её раскрасневшееся, наливное тело так и манит взяться за самые приятные места, а бархатная после парилки кожа напоминает нежнейшую сладкую глазурь.

Глаза брюнетки блестят, она явно не против такого гостя. Но шатенка... её глаза горят огнём. Она смотрит на путника, и на её лице возникает неподдельный, неприкрытый, живой интерес.

Шатенка высока. Стройна. Немного даже худа, но эта худоба идёт ей. Строгие черты лица, высокие скулы, тонкие изящные брови и большие карие глаза, прекрасная форма которых обрамляется рядами густых ресниц. Путник думал, что такие женщины встречаются лишь на обложках журналов, но нет. Похоже, вживую их тоже вполне реально увидеть.

— И кто тут у нас? — Игриво интересуется брюнетка и тут же оборачивается к подруге. Обе хохочут. Брюнетка — громко и откровенно, шатенка — скромно, прикрыв рот ладонью.

— Ты как сюда попал? — Интересуется шатенка. Её лицо выражает радостное удивление. Она абсолютно искренна, как и все, кто здесь находится. — Ты наш, но всё же...

— Ой, Катюха, какая разница? — Машет рукой брюнетка, театралью корча безразличия, — давай его сюда скорей! Они опять смеются.

— Лена, ну нельзя ведь так сразу! Где твои манеры?

Брюнетка обнимает подругу за талию нежно и плавно, после чего касается губами её шеи.

— Хочешь его первая? Не вопрос!

— Дура! — Отвечает шатенка, отмахиваясь от импровизированных ласк.

Обе взрываются безудержным хохотом.

— Посмеялись и будет. — Вмешивается в разговор человек. — Не забывайте, зачем вы здесь. Марш внутрь!

— Ой, командир нашёлся, тоже мне! — Язвит брюнетка, но подчиняется приказу. Следом за ней уходит и шатенка, одарив путника поистине влюблённым взглядом.

— Раздевайся и милости просим. — Человек обращается к путнику. — Не стесняйся.

Он не стесняется. Он на седьмом небе. Всё снова кажется таким родным, таким прекрасным. Дом — одно-единственное слово, способное описать ощущения от этого места в его душе.

Одежда оказывается на полу через несколько секунд.

— Эй, это тоже. — Человек указывает на трусы, и путник, чуть колеблясь, подчиняется.

Тусклый свет керосиновой лампы озаряет небольшое, мрачное помещение парилки. Горячая топка, раскалённые камни, высокая скамья для парки да две пониже, вдоль стен. Тазы с водой и старое алюминиевое ведро. Замоченные в воде веники. Брюнетка сидит на высокой скамье, закинув ногу на ногу. Зачерпнув воды из таза, она обливает своё тело, наслаждаясь лёгкой прохладой. Шатенка сидит на скамье, чуть пониже, и смотрит в крохотное квадратное окошко в стене, за которым лишь ночь и выюга. Но всё меняется, как только путник оказывается на пороге.

Девоньки заметно оживляются. В их глазах загорается настоящий огонь. Шатенка встаёт, словно зачарованная, и движется к нему, сверля насквозь своими карими глазами, гипнотизируя, словно змея замешкавшуюся мышь.

Брюнетка не отстаёт от подруги. В её глазах куда больше жажды, но в глазах Кати она ощущается, как... как нечто более значимое и чувственное, нежели просто похоть. Она хочет большего.

Их нежные пальцы касаются груди путника, лаская кожу, постепенно рассредоточиваясь по всему телу. Они всё ближе. Путник чувствует их жаркое дыхание на своей шее...

— Так!

Человек с грохотом закрывает входную дверь. Он внутри. Женщины с недовольными лицами занимают прежние места. Однако же, спустя мгновение, брюнетка уже пылает страстью именно к нему. По крайней мере, это видно по её глазам. А вот шатенка не в силах отвести взгляд от путника, и тот ценит это. В его душе теплится нежное, сладкое чувство, которое способно быть порождено лишь одним из самых главных явлений природы — женским признанием. Путник уже и не вспомнит, когда ощущал нечто подобное в последний раз, да и ощущал ли в принципе, но здесь он свой, а значит, возможно всё.

— Самки. — Поясняет путнику человек с извиняющейся улыбкой на лице. — Хотят зачать потомство, вот и явились сюда.

При этих словах женщины застенчиво хихикают, но каждому понятно, что таится за этой робостью. Лишь животная страсть и неутолимая похоть. Их запах буквально висит в воздухе, вплетаясь в пар, проникая в самое нутро.

— Сейчас я разберусь с ними, — человек глядит в сторону брюнетки, играющей с прядью своих длинных чёрных волос. Она улыбается. Пока что только подруге, но каждому ясно, что все её мысли сейчас не о ней. — А потом поговорим с тобой. Можешь пока попариться.

Последние слова человека переросли в настоящий рык. Он уже не в силах себя сдерживать. Земля буквально уходит у него из-под ног, страсть толкает к объекту желания, так, словно под ним раскалённый уголь, а не мокрый дощатый пол. Брюнетка, заливаясь сладострастным хохотом, резко встаёт на четвереньки, выгибая спину, как мартовская кошка, и, спустя секунду, раздаётся её громкий, протяжный стон. Затем ещё один, и ещё. Эти оглушающие звуки сопровождаются гортанным рычанием человека, и выглядит всё это не как акт соития, а больше походит на... "оплодотворение". Именно это слово подходит больше всего. Холодный научный термин, призванный описать процесс по достижению вполне определённой цели, сопровождающийся животной страстью, своего рода сигналом боеготовности. Оплодотворение — никаких поцелуев, никакой нежности, лишь инстинкты в угоду продолжения рода. Как и было задумано Создателем.

Однако шатенка хочет большего. Её ладонь нежно скользит по плечу путника, плавно переходит на шею, зарывается в волосах. Она увлечена происходящим на высокой скамейке, деревянная конструкция которой ходит ходуном, издавая скрипы, не менее громкие, чем стоны и рык. Всё это дико будоражит её нутро, но больше всего её заботит путник. Она видит в нём нечто. Нечто нежное, любящее и в то же время страстное и целеустремлённое.

— Ты как ветер. — Говорит она, улыбаясь.

Путник не в силах найти с ответом, но этого и не требуется.

— Будь ветром. — Говорит она снова. — Прошу, будь ветром. Как наш Создатель.

Её губы касаются подбородка Путника, нежно и осторожно. Затем она мягко прикусывает кожу, перемещается выше и выше, пока не касается его потрескавшихся от холода губ. Их взгляды сливаются воедино. В одну пристальную дуэль. Так бывает, когда влюблённые пытаются разглядеть души друг друга. Так и есть. Она смотрит. Она видит.

Человек рычит всё громче. Его тело сотрясается в резких, приятных конвульсиях, словно по нему пустили лёгкий электрический разряд. Закончив дёргаться, он садится на многострадальную скамью, тяжело дыша, а брюнетка с довольным видом сползает вниз. Опустившись прямо на пол, она тянется к большой железной кружке в алюминиевом бидоне и плавно орошает своё тело прохладной водой, припасённой, видимо, аккуратно для такого случая.

Человек слегка измотан, но его взгляд уже начал оценивать шатенку. Длинные стройные ноги, выразительная талия, маленькая, но весьма упругая грудь безупречной формы.

Жестом он подзывает её к себе, но шатенка не реагирует.

— Катя! — Раздаётся его громкий, раздражённый крик. Человек не привык ждать. Он чувствует свою силу, знает ей цену и давно научился добиваться желаемого в кратчайшие сроки.

И всё же, шатенка по-прежнему не отрывает взгляда от глаз путника. Путник же не сопротивляется. Тепло растекается по его телу всё дальше, охватывая каждый сантиметр как снаружи, так и внутри.

— Иди сюда! — Рычит человек, и тут же приподнимается на скамье, садясь на корточки. — Катя! — Повторяет он имя девушки.

— Успокойся, Егор. — С безмятежной, похотливой улыбкой осекает его брюнетка. Её ладонь гладит его предплечье, а взгляд устремлён снизу вверх. — Им хорошо, не видишь? Да и зачем она тебе? — Она смеётся, но недолго, чувствуя, как накаляется атмосфера вокруг.

Одним быстрым рывком человек оказывается у дальней стены и резким движением руки оборачивает шатенку лицом к себе.

— Идём! — Презренно гаркает он, пытаясь потянуть её за собой.

Она не двигается. Напротив, даже упирается.

— Что? — Человек срывается на крик. — Что случилось?!

Шатенка вырывает свою руку из его цепких пальцев.

— Я буду с ним. — Указывает она на путника, и её губы расплываются в мечтательной улыбке.

Брюнетка хохочет. На этот раз громко и долго, однако насмешкой там и не пахнет.

— Катя! — На лбу человека выступает сдвоенная вена, а голос окончательно превратился в глубокий, дикий рык. — Прекрати!

Он снова пытается схватить её за руку, но девушка без труда уворачивается.

— Я буду с ним! — Она снова указывает на путника.

Путник не против. Он знает, что всё случится, так или иначе, и никто не в силах помешать ему овладеть этой длинноволосой красавицей.

— Егор! — Подаёт голос брюнетка. — Ну ты же знаешь, Катя не может иметь потомство от людей! Что ты как маленький! Пусть ложится, с кем хочет.

— Ты ведь знаешь, что он не сможет зачать...

— Мне плевать! — Обрывает шатенка. — Я буду с ним!

Человек опускает голову и несколько секунд осматривает пол под своими ногами, тяжело дыша. Замешательство длится недолго. Будто обиженный ребёнок, не получивший желаемую игрушку, он решает довольствоваться тем, что уже имеет. Рванув к высокой скамье, он хватается хохочущую брюнетку и волочёт её наверх. Та не сопротивляется. Избыток внимания ей льстит.

Шатенка медленно опускается на пол, не отрывая взгляда от своей потенциальной "жертвы". Её движения плавны, но всё же немного не уверены, отчего кажутся путнику такими милыми. "Она боится, что я передумаю, — проносится в его голове. — Но я не передумаю".

Слишком уж она хороша.

Локти шатенки мягко упираются в пол, приподнятая грудь зияет соблазнительно торчащими сосками. Её рука тянется к путнику и, едва достигнув цели, тянет его в нежные объятия. Всё это происходит под бодрые стоны брюнетки и рык человека, который, кстати, стал более громким, интенсивным и частым, в такт оголтелому дыханию.

Но шатенка не хочет так. Она хочет иначе. Нежно.

Она прижимает путника к себе и их губы сливаются в долгом, страстном поцелуе.

— Как тебя зовут? — Нежно спрашивает она. В её глазах горит нестерпимый огонь страсти и вселенского желания. Это чувствуется во всём: в её голосе, в её дыхании, в её прикосновениях.

Путник не может ответить. Как бы он ни старался, его собственное имя остаётся за пределами памяти. Он напрягается снова, но тщетно...

Шатенка лишь умиляется его усилиям. Нежный, милый взгляд, такой родной и полный поддержки. В какой-то момент она просто касается подушечкой пальца его губ, давая понять,

что имя не имеет значения. Путник смеётся над собственной забывчивостью. Всё как в тумане. Кроме одного — ощущения уюта и бесконечного тепла.

Руки прижимают его к молодому, упругому женскому телу, и он готов.

Всё происходит довольно быстро, но шатенка, кажется, успевает испытать нужный спектр эмоций. Её мокрая, горячая кожа пахнет хвоей — приятный, успокаивающий аромат. Она осторожно выползает из-под обмякшего тела путника и плавно, виляя бёдрами, дефилирует к своей уже освободившейся подруге, в глазах которой горит неподдельный интерес. По пути шатенка вскидывает копну своих густых длинных волос, как бы демонстрируя полную свободу и независимость, чем вызывает живой восторг у Лены. Она хохочет — искренне и звонко, а шатенка улыбается в ответ так томно, будто кошка, нализавшаяся валерианки.

Она садится рядом с подругой и орошает своё прекрасное тело водой.

— Ну что, — человек обращается к путнику, — нормальная баба, а?

На его лице сияет улыбка. Путник кивает в ответ, не желая подавать голос. Ему слишком хорошо, прямо здесь и сейчас, и необходимости в словах он попросту не видит.

Человек кивает также, понимая, и по-прежнему улыбаясь. А после обращается к шатенке:

— А тебя я покрывать не буду. Не в этом году. — В его голосе звучит лёгкая обида. — Будешь знать, как с людьми трахаться.

— Ой, — безразлично отмахивается шатенка, — в следующем покроешь. — Она ехидно улыбается: — Если ещё кого-нибудь новенького не приведёшь.

— Эй, следующий мой! — С хохотом встречает брюнетка. — Хотя... ещё и с этим не поздно. — Она мерит оценивающим взглядом путника, но тут же получает лёгкий толчок в плечо от подруги.

— Офигела? — Хохочет шатенка. — Этот для меня.

Они смеются снова, как старые подруги, которым попросту нечего делить.

— Во дуры. — Человек качает головой, глядя на путника, ища в нём поддержки.

Путник улыбается в ответ. "Я дома, — неустанно повторяет его душа. Мои поиски окончены". Он смотрит на счастливое лицо той, кого здесь называют Катей, и безграничное тепло разливается по всему его истерзанному нутру новой волной. Он понимает, что они оба только что совершили то, что доселе порицалось в любом обществе, и порицание это плотно засело в его голове. А теперь все барьеры рухнули. Они... они просто насладились друг другом. Без последствий. Без утомительных выяснений отношений после. Без ненавистных претензий друг к другу. Без всепоглощающей ревности, высасывающей все силы, будто старый вурдалак. Они просто поддались порыву — здесь и сейчас. И кто бы попробовал им запретить?

Человек словно улавливает эту самую мысль в голове путника, внезапно переведя на него взгляд.

— Мы все умрём. — Тихо произносит он. — Ты раньше, мы — он обводит вокруг себя и девушек воображаемый круг, — чуть позже... ты знаешь это, путник. И поэтому ты попал сюда. Твоя душа ищет. И она почти у цели.

Девчонки еле слышно перешёптываются, иногда тихонько хихикая. Их явно веселит пафос в словах человека, отчего вся эта картина выглядит какой-то... свойской, что ли? Ненапряжённой. Несмотря на тон его голоса.

Возникает пауза. Она длится несколько секунд. Всё это время девушки продолжают о чём-то тихонько шептаться, а человек попросту замирает, поглощённый смыслом собственных изречений.

На мгновение Катя и путник пересекаются взглядами, и она коротко подмигивает. Её строгие, тонкие, но такие безупречные черты лица предстают путнику во всей красе. Он улыбается в ответ.

— Пойдём! — Подрывается человек. — Надо принести клятву!

— Зачем ему это? — Лена хватается его за руку, резко прервав беседу с подругой. — Не глупи!

Человек выдёргивает руку. Его глаза полны презрения и боли — странное сочетание.

— За тем, чтобы он никогда не забывал, кто он есть! За тем, чтобы эта рутина не поглотила его целиком! За тем, чтобы он всегда находил свой Путь! — Он обращается к путнику: — Я знаю, ты этого хочешь.

Путник молчит. Слова человека, признаться, разожгли в нём огонь.

— Смотри, красавчик, — ехидничает брюнетка, — от клятвы Несущему Свет отказаться нельзя.

— Я и не собираюсь. — Путник, наконец, поднимается с пола. — Теперь я знаю, как надо...

Он осекается, не в силах подобрать слов. Они и не нужны. Главное, что всё это время шатенка с игривой улыбочкой осматривает его тело, даже не пытаясь вникнуть в смысл сказанного. Её глаза блестят. Да и брюнетка, похоже, питает те же чувства.

— Ой, всё! — Хохочет человек. — Пойдём со мной, пока эти две дурынды тебя не оседлали!

Они выходят в предбанник, и путник тянется за одеждой, как вдруг рука человека даёт понять, что отсюда они должны выйти голыми. На этом все прелести мигом заканчиваются. В душу снова закрадывается ощущение давящей обречённости и бесконечной боли, одна лишь мысль о которой заставляет его ноги дрожать.

— Ты готов? — Интересуется человек, так, чисто риторически, и одним ударом ноги открывает дверь в пургу.

Помещение тут же наполняется снегом, ледяным ветром и, как следствие, нестерпимым холодом, от которого сводит мышцы, а кожа начинает болеть.

— Идём! — Человек хватается его за руку и тащит наружу.

Путник не очень сопротивляется, ошарашенный происходящим. Кромешная темень, чем дальше от бани, тем гуще; рёв ветра, снег, обволакивающий всё тело, и этот холод, пронизывающий насквозь, будто ледяное лезвие, вошедшее под кожу.

В отчаянии путник пытается освободиться и вернуться назад, но человек не позволяет. Он продолжает вести его вперёд до тех пор, пока где-то впереди не начинается плеск воды. Путник хочет спросить, хочет знать, куда именно они держат путь, но губы от холода не хотят шевелиться. Он сжимает их от боли, иногда всё же демонстрируя оскал, но только лишь для того, чтобы стало немножко легче, однако легче не становится.

Стопы начинают неметь, равно как и пальцы. Создаётся впечатление, будто они больше никогда не разогнутся до конца, так и оставшись в нелепом скукоженном положении, отчего идти становится попросту неудобно.

Сквозь темноту и метель путник видит слабые очертания водоёма. Он замёрз, однако у самого берега зияет чёрная дыра, контрастирующая с относительно белым фоном. Бликов воды не видно, зато слышны её всплески, и от этого звука замирает всё нутро. Разум реагирует иллюстрациями грядущих ощущений, однако нервная система настолько напугана подобным предвкушением, что напрочь блокирует воображение, не давая ему примерить на себя сей образ.

И всё же, он продолжает идти. Тяжело, нехотя, но всё же, его ноги не сбавляют шаг.

Человек ослабляет хватку, лишь когда они оказываются у самой кромки воды. Её волны время от времени касаются ног путника, будто холодный дразнящий язык, торчащий из чёрной, бездонной пасти. Хочется бежать, но что-то внутри держит его в неподвижном состоянии. Что-то внутри — некая сила, возвышающая сознание над всеми инстинктами, как маяк возвышает свой свет над чёрными морскими скалами.

Чувства обострены до предела, отчего сознание будто бы воспаряет над окружающей действительностью, над всеми её невзгодами и лишениями. Над всей её болью.

И в этот момент он понимает, что есть настоящая свобода. Ему больше не страшно. Есть только кристально-чистая осознанность в безупречном восприятии, будто все его нейроны переродились заново, представ миру в первозданном виде. Путник понимает, что именно в этой чистоте зарождаются все мечты, прибывая в этой нежной, светлой колыбели до тех пор, пока грязные руки сомнений и страхов не оставят на них свои следы.

От этой мысли боль сдавила грудь. Как же он ненавидит всё это. Как же сильно стремится убежать. Но теперь он дома...

Холод всё ещё ощущается достаточно сильно, но путнику даже нравится чувствовать его дыхание на своём теле. Такое приятное, слегка сводящее кожу и оказывающее анестезирующее действие, сравнимое с лёгким онемением дёсен после укуса мороженого.

— Повторяй за мной. — Говорит человек и продолжает...

Я выхожу за грани. Я презираю земные устои. Мой разум есть свет. Мой дух есть ветер. Моя плоть есть огонь.

Есть только я и мои звёзды, и на пути к ним я клянусь справиться с любым испытанием.

Несущий Свет, прими меня под опеку свою. Даруй мне непокорство и гордость на Пути моём. Позволь мне возвыситься над всеми законами Бытия и плюнуть в лицо Создателя. Как птенец, окрепнув, выходит из-под родительской опеки, так и мой дух выходит из-под власти Его. Теперь лишь я несу ответственность за деяния мои, но лишь перед тобой, Отец. Ибо я есть свет, как ты. Ибо я есть ветер, как ты. Ибо я есть огонь, как ты.

Меня остановит только смерть.

И ныне, и присно, и во веки веков.

Клянусь.

Произнеся последнее слово, путник вдруг ощущает, как его ноги опускаются на снег. Он всё ещё чувствует холод, который приятно пощипывает кожу, будто бы озорной щенок, пытающийся раззадорить хозяина и втянуть его в весёлую, беззаботную игру.

Вьюга всё ещё бушует вокруг, но путник будто бы не слышит её завываний. Все посторонние звуки куда-то испарились, открыв неведомую ранее чистоту его восприятия, словно некий свет поднялся из недр его души и озарил собой весь разум.

"Здесь зарождаются мечты, пока грязные руки сомнений и страхов не коснутся их, — проносится у путника в голове. — В таком же свете зарождаются звёзды".

— Запомни этот момент, — с улыбкой говорит человек, и путник осознаёт, что прекрасно видит его лицо, несмотря на темноту и непогоду. — Есть только ты и твои звёзды. В этих словах таится великая сила.

Человек делает шаг, и его ноги оказываются в ледяной проруби.

— И запомни, смертный: ты больше не отступишь. Не потому, что ты этого не хочешь, а потому, что ветер поднял тебя над землёй. Нравится тебе или нет. Отступишь — и умрёшь. Сразу.

Человек уходит в воду, счастливый, довольный, будто ребёнок, наконец дорвавшийся до заветной возможности окунуться в реку после долгого жаркого дня.

Путник всё так же стоит у кромки воды. Он опускается на одно колено и внимательно изучает её колышущуюся поверхность.

"Меня остановит только смерть, — думает он". В этот момент вода на секунду успокаивается, и Путник видит своё отражение в её мимолётной глади.

Я узнаю в нём себя.

МЕТЕЛЬ

1

В полудрёме до меня доносится звонкий голос ведьмы, сравнимый с журчанием весеннего ручья в ясном лесу. Я не в силах сдержать улыбку, едва уловив его игривые нотки. Даже сейчас, говоря о своих нелюбимых колдунах, она умудряется звучать невинно и ярко одновременно, вызывая бег приятных мурашек по всему телу.

Мои глаза закрыты, однако воображение рисует миловидный, немного детский образ. Я бы и рад взглянуть на неё, но слабость всё ещё донимает моё тело.

А ведьма продолжает болтать. Её хорошенький, словно игрушечный, голосок походит на соловьиную трель, заставляя меня улыбаться вновь. И опять она заладила уже знакомую песню о проблемах современных колдунов. По мнению ведьмы, колдовать может каждый, хотя сама она ни разу не прибегала к подобным практикам. Для начала нужно сформировать желаемый образ, после чего, держа картинку в голове, устремить к ней волевой посыл в виде намерения действовать твёрдо и безоговорочно. Делов-то? А уже дальше нужно глядеть в оба. Отклик Вселенной чаще всего проявляется в банальном невезении в жизни колдуна: сломалась машина, порезал руку, потерял деньги и так далее. Это значит, что высшие силы пробуют твою энергию на вкус, и если неудачи повторяются, поздравляем, тебя распробовали. А дальше варианта два: кормить образ своими собственными страданиями или же наполнять его муками кого-либо другого. Процесс материализации слеп, как крот. Он начинает толкать идущего на нужные тропинки лишь после того, как стрелка уровня топлива дойдёт до необходимой отметки, и ни днём раньше. Так устроена природа. Сплошные законы, обойти которые не удаётся даже колдунам. Разницы нет, заплатишь ты необходимую цену через труд или отдашь требуемую плату напрямую — вообще всё равно. Главное, наполнить чашу. Только тогда нужные шестерёнки заработают, разводя и сводя те мосты, что способны привести именно к нужному результату. Хотя, сказать по правде, ведьма уверена в том, что добиться успеха трудом куда проще... а если ещё и добавить щепотку магии... Так, правда, легче, ибо материализовать нужный сценарий буквально на голой энергии не всегда под силу даже высшим силам.

Слушая весь этот абсурд, я не перестаю улыбаться. Ведьма кладёт нежную ладонь мне на лоб, проверяя, есть ли жар.

— Ого, идёшь на поправку. — Констатирует она, и в этот момент я испытываю странное чувство, будто всё это время её голос звучал где-то в моей голове.

Возможно. Возможно, всё это мне попросту снится, но даже и если, этот сладкий игривый голосок есть лучшее сновидение.

Ведьма всё же не успокаивается. Возможно, всему виной отсутствие у неё каких-либо собеседников на протяжении слишком длительного периода, а может, она болтлива просто по своей природе. Выбора у меня нет. Остаётся лишь слушать и наслаждаться её будоражающим тембром на фоне грузных порывов метели за окном.

Кажется, ненадолго мне всё же удаётся провалиться в лёгкий сон, но её монолог настигает меня и там. Ведьма говорит, что как нету разницы, за счёт кого или чего кормить образ, так и безразлично, какую именно энергию ему давать. Разумеется, негатив высосать проще, однако мало кто знает, что и добрые дела способны высвободить довольно приятный на вкус эфир. Нужно только держать в голове картинку, направив к ней необходимый поток. Например, пожертвовал ты нищему, будь добр, помни, во имя чего ты это сделал. Бабульку через дорогу перевёл — не забывай о желаемом. Действия могут быть вообще не связаны с конечной целью, хотя в противном случае, достигается она куда быстрее. Но всё-таки здесь больше решает чистая энергия в виде эмоций и образов, питаемых ею, а материя изменится в ответ, как только чаша наполнится до нужного уровня.

Беда лишь в том, что иногда дна чаши и не видать вовсе, да и колдун вроде как уже оставил попытки заполучить желаемое. Вот тут и начинается самое грустное. Колдун не думает о том, что демон, как было сказано выше, уже распробовал его "валюту" и принял первые

зататки. Так в чём проблема? Всё как раньше: образ есть, энергии хватает... но нет. Намерение исчезло. А это не что иное, как само течение, направление, вектор, если хотите. Иными словами, посредник больше не чувствует связи между желающим и желанным, и постепенно отпускает конечную точку, продолжая при этом питаться энергией колдуна. Вот вам и следствие в виде кары за так называемое "ничегонеделание". Болезни, неудачи и море боли сопровождают колдуна всю его жизнь, пока тот наконец не найдёт в себе решимость добиться-таки своего. Однако, как это часто бывает, к тому моменту сил почти не остаётся.

Ведьма замолкает. Я не вижу её, как и прежде, однако готов поклясться, что в этот момент она смотрит на меня.

— Я хочу сказать, что если ты уж затеял ступить на какой-либо путь, будь готов завершить его во что бы то ни стало. Тогда колдовать и вовсе не придётся. — Протяжный, глубокий вздох. — В любом деле время главный фактор, и как-либо обойти эту истину попросту невозможно. Не важно, колдун ты или простой человек, всё равно придётся терпеть.

Тихий скрип стула как точка в монологе. Лишь рёв метели за окном и треск дров в печи. Я засыпаю.

Дневник сновидений

Приличная мадам настолько прилична, что, даже в жаркую погоду носит платья, длина которых непременно доходит до середины голени, не меньше. И никаких открытых плеч. Никаких шлеек, вырезов и декольте, только традиционный облик, не выражающий ничего, кроме приличия.

Она красива, безусловно. Длинная изящная шея, высокие скулы, большие голубые глаза и волнистые светло-русые волосы, собранные в жёсткий пучок на затылке. Никаких развивающихся прядей, никаких соблазнительно свисающих завитушек.

Сквозь ткань её платья иногда, при ходьбе, можно углядеть очертания стройной фигуры.

Разумеется, Приличная мадам не позволяет себе излишков — ни в еде, ни в сексе. Идя по улице, она всегда смиренно глядит себе под ноги, держа спину идеально ровно, а встретив кого-либо из знакомых, коротко кивает в знак сдержанного приветствия.

Я видел её мужа. Пожалуй, к таким типам мужчин стремится едва ли не каждая женщина. Высокий, смуглый, крупный брюнет, короткостриженный, с идеально ровной, густой щетиной. Его суровый взгляд даёт понять всю серьёзность его намерений в любом деле. Я знаю, что он занимает довольно высокую должность в самом Министерстве энергетики, и получил он это место благодаря своей напористости, бескомпромиссности в решении производственных задач, а также умению зреть в самый корень проблемы, чётко и верно выбирая путь её решения.

Я также знаю, что каждый вечер пятницы он говорит Приличной мадам, что должен задержаться на работе, дабы подбить все дела за минувшую неделю. Он говорит, будто это не что иное, как вынужденная мера, и все руководители его уравни...

Ай, к чёрту. Он спит с ведущим экономистом из Отдела организации труда.

Что и требовалось доказать. Каждому нужна отдушина в этом бесконечном, тупом круговороте однотипных монотонных действий, ибо мозг медленно заплывает жиром.

Приличная мадам держит себя в строгости именно по этой причине, хотя и понятия не имеет, как всё устроено на самом деле. Приличная мадам настолько прилична, что не в состоянии даже представить себя в объятиях другого мужчины. За столько лет своей супружеской жизни её взгляд научился обходить мужские силуэты в городской толпе, не замечая их легкомысленных, похотливых поглядываний. Возможно, если бы её муж зарабатывал чуть меньше, и ей пришлось бы самой работать, дабы обеспечить её обоим светловолосым анге-

лочкам достойное будущее, она бы завела какую-нибудь интрижку с одним из мнимых коллег на своей мнимой работе... Да нет. Это бред. Приличная мадам настолько прилична, что даже не допускает подобных помыслов, несмотря на то, что те в последнее время всё чаще и чаще стучатся в неприступную дверь её сознания. Как говорила её матушка, ничто не вечно — ни истина, ни святость.

Быть может, она права. Однако на данный момент одна истина всё же имеет место быть в её жизни: мозг медленно заплывает жиром, и с этим необходимо что-то делать.

Что ж, она знает рецепт. Например, избавить голову от дурных мыслей хорошо помогает голодание. Кроме того, скудный рацион позволяет держать фигуру в стройности, так сказать, давая возможность убить сразу двух зайцев. Добавим сюда лёгкую аэробику, небольшую пробежку один-два раза в неделю (обязательно в закрытом спортивном костюме, желательно, оверсайз-типа) — и вуа-ля! Только чистый, открытый разум, затуманить который не под силу никаким дурным помыслам о всяких там...

Неважно. Приличная мадам прилично спокойна, ведь хорошо знает: если это всё не поможет, то закаливание холодным душем уж точно смоет всякого рода грязь с её мысленного потока. А зимой она с удовольствием окунётся в прорубь, и не раз, как это делала раньше (обязательно в цельном купальнике, желательно, с отсутствием каких-либо вырезов).

А, вернувшись домой, она будет ждать мужа и присматривать за детьми, пребывая в мыслях о верности и семейном благополучии. Главное, чтобы это была не пятница. В пятницу всё немного сложнее... но всё же, терпимо.

2

Есть только здесь и сейчас. Ведьма говорит, что сознание живёт лишь в одном моменте, а всё, что было до и всё, что будет после почти не имеет смысла. Нужно как можно чаще фокусировать внимание на текущем мгновении, впитывая всю его красоту, только так можно по-настоящему насладиться жизнью.

Глядя на старый покосившийся шкаф, побитый временем стол, неработающий холодильник "Минск" у маленького, плотно заросшего инеем окошка; на выдавший виды сервант, набитый замусоленными потрёпанными книжками, на высокую металлическую кровать, от одного вида которой начинаешь испытывать леденящую душу тоску, я чувствую, как сомнения накачивают на мой разум сбивающей с ног волной.

Здесь и сейчас. Есть только здесь и сейчас. Здесь — в этой богом забытой халупе. Сейчас — по ту в сторону всякого времени.

За окнами ревет ветер, ударяя мощными порывами в деревянную стену. Керосиновая лампа, подвешенная к потолку, слегка покачивается, издавая едва слышимое поскрипывание, будто тихие стоны раненого зверя. Моё сознание всё ещё слегка туманно, а в ногах чувствуется слабость. Не знаю, сколько мне довелось пролежать в остывшей бане, пока хозяйка этого дома не нашла моё остывающее тело. Ладно, хорошо, что всё позади. Пожалуй, ещё денёк — и можно готовиться на выход.

Здесь тепло, но из-за вьюги снаружи воздух быстро охлаждается. Сидеть у окна становится зябко, но печь ещё довольно горячая. Побелка на её стенках изрядно потрескалась, кое-где проглядывает кирпичная кладка, но, похоже, этой допотопной конструкции всё ещё удаётся сохранять тепло. Подношу ладони к нагретой поверхности и наслаждаюсь приятными, живительными волнами. Ощущение даже такого легкого комфорта мигом уносит все сомнения и переживания, пусть и временно. Тепло приятно растекается по рукам, лицу, груди, и даже бёдрам. Желание уснуть возвращается снова, вызванное этими сладкими, убаюкивающими ощущениями.

Здесь и сейчас... Не думать ни о чём, лишь наслаждаться теплом, не обращая внимания на всё, что происходит вокруг. И как же дорога и желанна простая убитая печь в подобном месте.

Каким же родным и нежным кажется её тепло, что будто проникает в самую душу, успокаивая, как дыхание матери.

"Я дома..."

Лязг входной двери моментально приводит меня в чувства, руша иллюзорную стену из уюта и покоя. Всё тот же полумрак полузаброшенного деревенского дома, всё тот же затхлый запах, всё та же вьюга за окном, которой будто нет конца.

У двери я вижу девичью фигуру, укутанную в длинный толстый тулуп и массивный шарф, настолько широкий и длинный, что вид его больше напоминает шерстяной плед, закрывающий человека от середины лица до середины туловища. Валенки на ногах, нечто вроде мехового платка на голове, а руки утеплены варежками. Во всех этих непролазных лохмотьях лишь одно выдаёт хозяйку дома — сверлящий взгляд зелёных глаз.

Отряхнувшись от снега, ведьма ставит на пол целлофановый пакет, в котором, судя по всему, лежат какие-то продукты, после чего начинает "разматывать" себя, как мумию. Наконец я вижу её лицо и спутанные волосы. Похоже, её абсолютно не волнует их состояние, ведь любая другая столь юная особа тут же в панике бросилась бы к зеркалу, на ходу поправляя непослушные пряди. Быть может, она просто не знает, что сейчас творится у неё на голове. Быть может, она просто не видит во мне мужчину, позволяя себе быть абсолютно естественной. Какая разница? Она ведёт себя так, будто меня совсем нет рядом. Оставшись в одном старом сером платье, больше похожем на мешок, она тащит тулуп и прочие свои зимние убрания на печь. Спустившись, она подносит ладонь к покрытой побелкой стенке, как это делал я, и тут же хватается за пару дров, которые мигом летят в топку. Затем ещё, и ещё, и ещё. Загрузив печь, она, не теряя сосредоточенного вида, поджигает длинную тонкую щепку, от которой в дальнейшем занимается более массивное пламя, но уже там, внутри. Внимательно наблюдая за огнём, она всё же запускает пальцы в свои длинные рыжие космы и умелым движением отбрасывает всю копну назад, попутно распутывая скрутившиеся колтуны. Она повторяет эту манипуляцию вновь и вновь, пока, наконец, рыжие локоны не приобретают человеческий вид.

Убедившись в том, что пламя внутри печи пока не требует внимания, ведьма проходит мимо, не удостоив меня и взгляда, к стене у холодильника, на которой висит хороший ломоть вяленого мяса. Срезав несколько небольших полос, она хватается по пути жменю сушёных яблок из большого мешка у входа и отправляет содержимое своих рук под печь, при этом встав на четвереньки. Тонкая ткань платья не в силах скрыть от моего взора весьма интересный вид. Но ведьме плевать. Меня для неё не существует. Она сосредоточенно глядит в огромную дыру у самого пола, в каких, обычно, хранят котелки и прочую кухонную утварь в глухих деревнях. Немного погодя, я слышу звуки возни под печью, после чего губы хозяйки дома расплываются в довольной улыбке.

Я настолько привык к отсутствию какого-либо внимания с её стороны, что резкий пронзительный взгляд прямо в глаза, едва не выводит меня из равновесия. Я знаю этот взгляд. Так смотрит мать на чужаков, потенциально способных причинить вред её ребёнку. Скорее всего, под печью кот. Он был так напуган появлением в доме незнакомого мужика, что наверняка забился в самое безопасное место и не ел сутки, в ожидании моего скорейшего исчезновения. Бедное животное. Хорошо, хоть поел, судя по улыбке ведьмы.

И всё же, этот взгляд. Я не знаю, куда деться от пронзающих насквозь зелёных глаз. Немая сцена длится несколько секунд, после чего фокус её внимания плавно смещается куда-то ниже, а на приятном веснушчатом лице вновь возникает улыбка. В недоумении взглянув на свои ноги, я понимаю, что стою без штанов, прямо здесь и сейчас, наслаждаясь, так сказать, моментом.

— Чего из постели вылез? — Произносит ведьма, и я замечаю, как улыбка на её лице приобретает оттенок мнимого безразличия, будто интересуется она так, чисто формально. — Выздоровел?

Выпрямившись в полный рост, она направляется к обеденному столу у окна, попутно взяв из мойки небольшой котелок. Поставив его на столешницу, ведьма вытаскивает из-под кровати пыльный мешок из толстой ткани и, внимательно изучив его содержимое, протягивает мне, по-прежнему не теряя сосредоточенности.

— Там картошка. — Произносит она. — Почистишь?

В последнем слове мне слышится чёткая просьба, а не приказ, что уже заметно сбавляет напряжение между нами.

— Конечно. — Беру мешок и иду в сторону кухни, как вдруг всё ещё не окрепший организм даёт о себе знать. Лёгкое головокружение провоцирует такое же лёгкое покачивание, заметив которое ведьма тут же спешит поддержать меня под руку.

Невероятно, но теперь я чувствую заботу. Какие нежные хрупкие руки... но как же много в них сил.

— Тише, тише. — Она возвращает мешок себе. — Присядь-ка лучше.

— Ничего, — отвечаю я. — Всё в порядке. — Постояв пару секунд и осмотревшись, я всё ещё чувствую её прикосновения. — Просто скажи, где у тебя нож?

Ведьма недоверчиво выпускает меня, всё ещё пристально следя за моим равновесием.

— Ножи возле мойки. Но я могу сама...

— Нет-нет, — обрываю я. — Ты и так вокруг меня хлопочешь. Как только оправлюсь, я обязательно рассчитаюсь с тобой. Неудобно как-то...

— Замёрзнуть было бы удобней? — Грустно усмехается ведьма. — Тоже мне, нашел, кого слушать. Эти сектанты... тянет их в наши края.

— Сектанты? — Удивляюсь я.

— Ну да, — пожимает плечами хозяйка дома. — Ты, правда, что-то там про оборотней бредил... — Она уходит в сени, после чего до меня доносится скрип покосившейся двери. Вероятно, там кладовка. — Ты знаешь их вообще? — Голос ведьмы звучит приглушённо.

— Нет, — отвечаю я, параллельно пытаюсь вспомнить имя шатенки. Ничего не выходит, воспоминания будто накрыло туманом.

Она возвращается в кухню, держа в руке неплохой кусок говядины:

— А я думала, ты там обряд какой проводил с ними. — Она смотрит на меня, не скрывая лёгкой издёвки. Что ж, такое поведение в отношении незнакомых мужчин свойственно, пожалуй, лишь особам её возраста.

В голове вертится куча вопросов, но ответы я знать не хочу. Она оказалась здесь уж явно не по доброй воле, и лишний раз заставлять эту милую девушку вспоминать причины её местонахождения в такой заснеженной глуши, не позволит мне совесть. "Здесь и сейчас", как любит говорить моя новая соседка. Никакого прошлого, никакого будущего, один лишь текущий момент. Надо отдать ей должное, ведь о моих причинах появления здесь она тоже ни разу не справилась. Да даже и если. Вряд ли я смог бы дать вразумительный ответ даже самому себе.

— Да уж, обряд. — Хмыкаю я. — В моём-то возрасте.

Порезав мясо соломкой, ведьма отправляет его в котёл, попутно слегка присолив, после чего ловким движением зачерпывает воду ковшом из большого ведра и заливает содержимое посуды где-то на три четверти.

— А что не так с твоим возрастом? — Очевидно, вопрос с подвохом, только знать бы, в чём он заключается.

— Ну, я, как бы, уже не молод. — Изворачиваюсь я от прямого ответа. Терпеть не могу так отвечать тем более на вопросы незнакомок. Тем более с такой внешностью. Между нами будто бы тут же возникает огромная возрастная пропасть, гарантируя отсутствие какой-либо коммуникации по разным её краям.

— Не молод он. — Дразнится ведьма. — Зато бабы сектантские тебя на раз-два склеили. — Типичное женское собственничество. Бессмысленно и беспощадно.

Однако меня будто бы ледяной водой окатили.

— Значит, это было на самом деле. — Задумчиво произношу я.

Ведьма молчит. На её лице читается явное непонимание, однако вопросов за этим не следует. Она просто бросает в котёл несколько чёрных перчин и отправляет в печь, попутно подложив в топку ещё пару поленьев.

— Так или иначе, — она приподнимает массивную металлическую заслонку и закрывает печь. Я хотел было помочь, но сноровки и сил ведьме, похоже, не занимать. — Тебе нужна была помощь. Хорошо, что я оказалась поблизости, так бы замёрз.

— Спасибо. — Стыдливо произношу я. — Я обязательно рассчитаюсь.

— Конечно, рассчитаешься, — улыбается ведьма, опускаясь в старое кресло у окна. — Снега вон сколько намело. Пока не почистишь, не уйдёшь.

Наивность и ребячество в её голосе сильно подкупают. Я не в силах сдержать улыбку, да и не хочу.

Картошки в мешке оказалось немного, и теперь я начинаю чувствовать угрызения совести за то, что вынужден есть продукты хозяйки дома. Хотя, как знать, быть может, она и вовсе не позовёт меня к столу? Но если всё же предложит разделить с ней ужин, я обязательно щедро отплачу ей в будущем.

Тщательно помыв картофель, начинаю резать его кубиками. Ведьма пристально глядит в окно, растворяясь рассудком в метели. Она неподвижна, словно статуя, и лишь когда я уже почти закончил нарезать картошку, она приходит в чувства и тут же срывается с места:

— Не надо, я сама порежу.

— Поздно. — Улыбаюсь я в ответ.

Она мерит меня наигранно хитрым взглядом:

— Может, ты тогда и лук почистишь? А я тебе "плюсик" в счёт долга поставлю. — Она коротко подмигивает так, будто мы знакомы с ней всю жизнь.

— Это значит, мне можно чистить двор не до конца? Оставлю небольшой участок возле туалета...

Ведьма хохочет. Что ж, видать, общаться с живыми людьми ей удаётся нечасто, и уж тем более в мало-мальски вежливой манере. Я вижу, она рада оттого, что я здесь, рада искренне, даже немного по-детски.

— Ненавижу чистить лук. — Морщится ведьма. — Глаза слезятся — караул. — Она достаёт из-под старой и, разумеется, нерабочей плиты небольшую чугунную сковородку с толстым слоем чёрного, как смоль, нагара. Ловко отрезанный кусочек сала падает на её поверхность, после чего, отодвинув печную заслонку (в этот раз я опять не успел помочь ей), она отправляет сковороду внутрь, попутно справившись о степени готовности мяса. Как же умелы и точны все её действия, да ещё и в таком-то юном возрасте.

— Ты не повар, случайно? — Между делом спрашиваю я, соскабливая останки кожи с большущей луковицы.

— Не-а. — Она собирает густые рыжие волосы в толстый хвост, завязывает его узлом и отправляет под ворот платья. — Я ведьма. — Её взгляд вновь сверлит меня, будто бы проникая в самую душу, не зависимо, смотрю я ей в глаза или нет.

Внезапно я понимаю, что последняя фраза была произнесена абсолютно серьёзным тоном, да и прошло уже с полминуты, а она всё смотрит и смотрит. Что ж, хотела реакции — получай:

— Я и не сомневался. Характер больно строптивый. — Надеюсь, она поймёт, что это шутка.

Но ведьма по-прежнему глядит на меня пронзающим насквозь взглядом. Что-то не так... Какой же я дурак. Откладываю нож в сторону.

— Почему ты ведьма?

К моему счастью, на её лице возникает задумчивая улыбка:

— Ну... такая ведь ассоциация возникает у тебя со мной?

— У меня с тобой скоро возникнет инфаркт, если не перестанешь сверлить меня таким серьёзным взглядом. И с чего ты это взяла вообще?

Задумчивая улыбка не сходит с лица ведьмы, но взгляд... Она по-прежнему будто бы глядит прямо в душу, в самые потаённые уголки моей природной сущности. Она будто бы что-то знает обо мне, то, чего не знаю я, и просто ждёт удобного момента, дабы выплеснуть всю правду-матку.

И тут же ведьма отводит взгляд, и я отчётливо слышу у себя в голове: "ладно".

Мелко порубленный лук падает на раскалённую сковородку, туда же летят и морковные дольки, наполняя кухню громким шипением. В воздухе уже витают аппетитные ароматы, придавая оттенки уюта столь унылой атмосфере. Ведьма перемешивает зажарку, я стою наготове помочь ей, наконец, передвинуть эту чёртову заслонку. Она кладёт деревянную лопатку и, бросив взгляд на кипящий бульон, оставляет контроль процесса готовки. Я тут как тут... но ведьма, даже не коснувшись рукояти треклятого чугунного листа, разворачивается, дабы пройти в первую хату, как тут же едва не упирается носом мне в грудь.

"Какой же я дурак..."

Хотел помочь, а сделал только хуже.

— Осторожней. — Ведьма легко и с улыбкой надавливает мне на живот обеими ладонями, дав понять, что я мешаю. Слава богу, хоть не испугалась моего столь внезапного появления за спиной. — Как ты вообще себя чувствуешь? — Как бы между делом интересуется она. — Температуры нет?

— Вроде нет. — Отвечаю я, пытаюсь изо всех сил не выдать ноток стыда в своём голосе. — Я это... ты не подумай, я просто хотел помочь тебе с заслонкой.

"Боже, когда всё это кончится?"

Несколько секунд подряд она глядит на меня недоумевающим взглядом, после чего пространство вокруг наполняется звонким девичьим смехом.

— А я-то думала! — Хохочет ведьма. — Эх... обломал девку.

Тем не менее, мне не до смеха.

— Просто я всё думаю, тебе вот не страшно? Взрослый мужик в твоём доме и всё такое. Смех затихает, но игривая улыбка всё ещё сохраняет блеск в изумрудных глазах.

— Не-а. Ты не такой.

— Да уж, не насильник, не бандит. — Соглашаюсь я.

Она осматривает меня с ног до головы: — Хотя одет, как маньяк, конечно.

Ведьма поднимается с кресла и открывает дверцу шкафа у торца печи. Оттуда она достаёт старые потрёпанные трико и протягивает их мне:

— Держи, стыдоба. — И даже в этих словах мне слышится лишь добрая, нежная забота.

— Спасибо. — В спешке натягиваю штаны. — И всё же, ты, правда, меня не боишься? Я тебя и пальцем не трону, поверь. Метель утихнет, я почищу снег...

Ведьма снова взрывается звонким, заразительным хохотом, не давая мне закончить. В этот момент я подмечаю, насколько белы и ровны её зубы, как безупречны эти маленькие ямочки на её щеках и как милы и невинны эти детские веснушки. Вероятно, от местных кавалеров нет отбоя. За ней и в большом городе бегали бы толпы ухажёров, а уж в такой глуши, где каждая баба на вес золота... Господи, да за нее, поди, дерутся день и ночь, ещё и с соседнего села, небось, ездят внимания добиваться.

Ведьма слегка настораживается, не прекращая улыбаться, а после хохочет ещё громче, будто уловив мои мысли.

— Твой снег от тебя никуда не денется. — Заверяет она сквозь рвущиеся наружу смешки. — Я про чистку, если что, пошутила. — Смех, наконец, стихает. — Но, если хочешь помочь, я не буду против.

Стало быть, мой вопрос останется без ответа. Что ж, видимо, она и впрямь не испытывает настороженности по отношению ко мне. Да и с чего вдруг? Перед ней худощавый мужик средних лет. Это же не лысый громила с огромными ручищами и хищным взглядом. Да, и, судя по тому, что она позволила мне расхаживать в трусах в её присутствии, вряд ли она вообще воспринимает меня как мужчину. Так или иначе, в этом есть свои плюсы. Хотя бы то, что я сейчас нахожусь в тёплой избе, а не в замёрзшей бане, по причине того, что одна местная девица боится быть изнасилованной полуокачаневшим незнакомцем.

Как бы там ни было...

— Я только "за".

Ведьма с улыбкой кивает в ответ.

Суп оказался весьма недурным. Поначалу голода я не испытывал и даже хотел было отказаться от предложенной мне миски, однако ведьма была непреклонна. Как и следовало ожидать, аппетит нагрянул во время еды и пробыл со мной ровно до того момента, пока я не почувствовал лёгкое утяжеление в желудке.

Ведьма ест молча, вдумчиво, по чуть-чуть посасывая с ложки ароматную юшку. Иногда наши взгляды встречаются над полупрозрачными клубами пара из тарелок и тут же расходятся вновь. В такие моменты я испытываю лёгкое смущение, в отличие от хозяйки дома, которая, кажется, чувствует себя вполне уверенно.

— В ваших краях метель вообще заканчивается? — В шутку интересуюсь я. Смысл вопроса один: поддержать беседу.

— Ты ведь не это хотел спросить. — Ведьма отправляет в рот картофельный кубик.

Подобный поворот в разговоре застаёт врасплох не меньше, чем её пронзительный взгляд.

— А что тогда? — Русло по-прежнему не то, но всё же лучше гробового молчания на фоне ветра за окном.

Она пожимает плечами, сосредоточенно глядя в миску. Следующий на очереди кусочек мяса.

— Не знаю. Но явно не это. У тебя ведь наверняка куча вопросов.

Так и есть. Но, как говорила ведьма:

— Здесь и сейчас. — Произношу я. — Есть только здесь и сейчас.

Она улыбается, и сколько же удовлетворения в её глазах, сколько блаженства.

— Запомнил. — Самодовольно улыбаясь, подмечает она и смачно отпивает глоточек юшки, так легко, естественно и непринуждённо. — Что ты ещё запомнил? — Опять этот игристый взгляд, призванный взбудоражить чувства, дабы поднять со дна обломки моей истинной натуры, которая тут же проявит себя в каком-нибудь неконтролируемом порыве. Она наблюдает, фиксирует и изучает.

Что ж, наслаждайся, милая...

— Ну, например, как ты хаешь каких-то там колдунов, на чём свет стоит. Хотя, может, это было бредом?

Ведьма взрывается хохотом, едва успев прикрыть рот ладонью. Благо, недожёванный лук летит мимо меня.

— Не бред. — Заверяет она. — Просто я не вижу смысла колдовать. Ты всё равно заплатишь соразмерную цену за вожаденный результат, только другим путём. И поверь, альтернативный путь куда более тяжек.

Она неспеша зачерпывает очередную порцию супа, так же легко, будто ни в чём не бывало, будто речь только что шла о погоде, и принимается с задумчивым видом потягивать содержимое ложки.

Я смотрю на неё, на это милое серьёзное лицо в окружающем нас полумраке, на эти сдвинутые брови, на тонкую струйку пара, выходящую над её верхней губой и понимаю, что в её словах не было ни единого намёка на дурачество.

Не знаю, чего мне хочется больше — усмехнуться или, для вида, согласно кивнуть, но, как только эта мысль мелькает в моей голове, ведьма вновь одаривает меня уже знакомым взглядом, и где-то глубоко, в самых недрах моего подсознания будто бы далёким эхом звучат слова: "здесь и сейчас..." Все сомнения уходят. Мы просто беседуем, обсуждая вещи, которых, возможно, не существует, однако все мои убеждения в этом, все концепции Бытия, все насмешки просто спят. Есть только здесь и сейчас, лишь предмет разговора, лишь момент бытия, лишь метель за окном — в чистом, первозданном виде, и вряд ли вся эта картина нуждается в моём внутреннем критике.

А ведьма тем временем продолжает рассуждать:

— Смирению надо жить. Делать то, что получается делать, быть с тем, кто хочет быть с тобой. Тогда и колдовать не нужно, а все страдания... они ведь от желаний, большинство из которых навязаны со стороны.

Я абсолютно не владею предметом разговора, однако некоторые слова хозяйки дома, признаться, меня задела.

— И какой тогда смысл? Все великие творения воплощаются людьми с огоньком в глазах. Разве ими движет не страсть? Не желание?

Ведьма задумчиво улыбается.

— Им удалось разглядеть своё предназначение и полюбить его. Отсюда и огонь. Они берут то, что соразмерно заложенному в них потенциалу, что принадлежит им по праву, а не по зову их гордыни. — Она звонко щёлкает пальцами: — Как ключ к замку. — И тут же её прекрасные глаза наполняются откровенным презрением: — Но колдун... Он слеп. Он провозглашает своим отцом самого Велеса, что хранит всю истину мироздания, но при этом сам не способен нащупать свой собственный путь, который подойдёт только ему.

— Быть может, колдовство и есть его путь? — От нечего делать предполагаю я, отставляя в сторону пустую тарелку.

Ведьма вновь сверлит меня взглядом, но на этот раз я не чувствую ничего дискомфортного, оттого и подавленность не властна надо мной.

— Тебя что, колдун обидел? — Теперь улыбаться настал мой черёд. — Так ты скажи, я ему быстро...

Ведьма смеётся. От бывшего негатива не осталось и следа, лишь этот звонкий девичий смех в сопровождении воя ветра за окном.

Она моя. Здесь и сейчас. Что бы это ни означало.

3

Вечер начался незаметно. В полумраке этого дома трудно понять, когда сгущаются сумерки. Мне кажется, здесь всегда темно, независимо от времени суток, а непроглядная метель за маленькими окнами лишь усугубляет ситуацию.

На ночь ведьма забралась на печь. Она предлагала мне занять это место, но я вежливо отказался. Не хочу стеснять её хотя бы в плане ночлега. Вторую хату хозяйка также протопила,

но из-за масштабных её просторов воздух прогрелся не полностью, отчего температура за дверью была, так сказать, "летней", и ведьма решила ночевать на печи.

Мы говорим о всякой ерунде, но основным предметом обсуждения стало, естественно, моё состояние, в котором она нашла меня. Иногда мы обсуждаем сектантов, иногда — колдунов. Я перестал чувствовать себя неловко и глупо, слушая мнения ведьмы, касательно последних вопросов. В конце концов, многим женщинам свойственно верить во всякую мистику, и, сказать по правде, следуя концепции "здесь и сейчас" невольно перестаёшь ставить под сомнение многие вещи, растворяясь в подробном их созерцании и принятии. Это похоже на смирение. Ни любовь, ни согласие, ни симпатия, ни аналитика — просто принятие. Просто как есть. Просто здесь и сейчас.

В какой-то момент я понимаю, что мы мусолим одни и те же темы вот уже битый час, но переходить на другие, более глубокие и личные, мне не с руки. Равно, как и молчать...

Ладно, скоро я уйду.

Вялые сонные разговоры наконец затихают, и в полудрёме я слышу копошение под печью. Чуть позже чёрная длинная тень выползает наружу и устремляется вверх по стенке, туда, где спит ведьма.

"Бедный кот, — думаю я, прежде чем провалиться в глубокий сон".

Дневник сновидений

Мозг медленно заплывает жиром.

Гостиная выглядит вполне себе роскошно, даже по западным меркам. Стены выкрашены в нежный кремовый оттенок, вдоль панорамных окон, прямо на безупречно уложенный паркет, ниспадает безупречно белый тюль. Мебели не много (минимализм нынче в тренде), однако вся она безупречна: бежевый трёхместный диван из натуральной кожи, кресла на изящных металлических ножках, обитые таким же материалом, небольшая горка под телевизор из безупречного дерева, покрытого безупречным лаком, высокий сервант с дверками из безупречного стекла.

В общем, это место можно назвать идеальным. Но главным его достоинством Приличная мадам всегда считала роскошный камин, вмонтированный в дальнюю стену немецкими монтажниками, разумеется, с безупречной квалификацией. Этакая вишенка на торте, и больше всех им гордился хозяин квартиры. Когда-то раньше они часами глядели на огонь, нежась в объятиях друг друга... Теперь эти образы напоминают отрывки из старого кино, никогда не имевшего ничего общего с реальностью.

Да и плевать. Сейчас её интересует совсем другое. Сегодня пятница, и она только что вернулась из церкви. Дети у бабушки, муж на работе, а в душе всё ещё царит благодать как этаким добрым зарядом, полученным во время проповеди. Приличная мадам обожает это чувство. Оно сравнимо с действием разве что очень сильных психотропов, хотя последних она, разумеется, ни разу не пробовала. Тёплое, возвышенное чувство, будто прикосновение Господа. Будто великое озарение, снизошедшее аккуратно с небес прямоком в её истерзанную душу. Наверное, это и есть спасение.

Сегодня на проповеди речь шла о прощении.

Множество великих, красивых слов о явлении, которое в наше время принято считать почти мифическим. И только один этот факт действовал на неё как вызов, едва не заставив Приличную мадам пробудить давно уснувшие чувства к мужу, укрытые толстым одеялом из безразличия и измен. Прощение встречается редко, и только поэтому она должна постигнуть его в полной мере, вопреки всем проделкам Лукавого, ибо, только плывя против течения, можно прийти к Всевышнему.

Она думала так, пока не поймала себя на мысли о том, что подобный стимул есть банальное проявление гордыни. А это грех. Копаюсь в себе, охваченная внезапно возникшей

тревогой, Приличная мадам с ужасом осознаёт, что других стимулов просто нет, ибо, если убрать гордыню, остаётся только пустота. Нет, она не очевидна, ведь её всегда можно наполнить разного рода стремлениями к добродетели, милосердием и прочими сомнительными, на её скромный взгляд, причинами.

Она может простить, потому что любит? Нет. Вряд ли. А вот "простить назло всему миру" звучит куда более сладко.

Вся благодать миг улетучивается, оставив Приличную мадам наедине с её глубинной сущностью, которая уже стучится с обратной стороны дна её сознания, в нетерпении овладеть им.

Сидя в кресле, приличная мадам медленно проводит ладонью по своей груди, спрятанной за тёмно-коричневой тканью строгого платья. Тело жаждет свободы. От этой мысли она чувствует, как спирает дыхание, а по спине пробегают мурашки. Её пальцы медленно поднимают подол платья, оголяя стройные ноги. Всё выше... и выше. Её веки смыкаются во всепоглощающей сладкой истоме, дыхание становится всё более глубоким, по пухлым алым губам скользит влажный язык.

Ладони медленно и нежно проходят по внутренней поверхности бёдер — всё дальше и дальше — и, достигнув заветного места, Приличная мадам вздрагивает от внезапного порыва всепоглощающей страсти. На ней нет белья. Собираясь в церковь, она попросту забыла его надеть.

И всё же, сущность, так и норовящая прорваться в её голову, говорит, что всё совсем не так. Она не забыла. Она просто не хотела.

Мозг медленно заплывает жиром. Длинные платья, смирение и нижнее бельё вместо гордыни и страсти, и всё это только ради одного — всеобъемлющего прощения.

На часах уже половина седьмого, а мужа всё нет. Опять задерживается, вероятно, слишком много работы. Глядя на стрелки часов, Приличная мадам внезапно ловит себя на мысли о том, что, будь он в этот момент дома, она вряд ли бы прыгнула к нему в кровать. Прощение? Она не держит на него зла, больше нет.

Но вот, гордыню сменило безразличие, про него ведь ничего не говорилось в священном писании? А значит, теперь она может сказать, что простила. Жаль об одном: любовью здесь по-прежнему не пахнет.

Зато пахнет страстью. Приличная мадам ощущает, как языки её пламени будоражат всё её нутро, и особенно, область внизу живота. Там настоящий котёл, заряжающий всё тело лёгкой приятной вибрацией.

Но его рядом нет. От одной этой мысли она испытывает глубочайшую досаду, грозящую погасить разбушевавшееся пламя. Но нет, не сегодня. Сегодня страсть найдёт выход, нравится ей или нет.

Взгляд Приличной мадам небрежно ощупывает комнату, в поисках чего-то, что смогло бы найти хоть малейший отклик в её душе... и она находит. У самого камина расположилась высокая железная стойка, представляющая собой три витиеватые ноги, в виде ветвей какого-то дерева, равномерно распределённые по окружности общего кольца. На нём висит кочерга, так же имеющая множество изгибов и завитушек, украшенных железными листьями и неким подобием молодых ранеток.

Приличная мадам ещё даже не поднялась с дивана, но уже чувствует грядущую свободу.

Сейчас бы ей взять на кухне шоколадку и получить, пусть и небольшой, но всё же качественный заряд дофамина, как это делает абсолютное большинство женщин, но нет. Одна только мысль о том, что жировые валики могут хоть как-то коснуться её упругого стройного тела вызывает у Приличной мадам волну отвращения. А значит нужно действовать иначе.

Изящные, нежные стопы медленно и осторожно шагают по безупречно белому ковру. К слову, стоит он также недёшево. Касаясь подушечками пальцев металлической поверхности кочерги, Приличная мадам скользит рукой по многочисленным изгибам декоративной ковки, спускаясь всё ниже и ниже, пока не оказывается сидящей на корточках. Длинная, тяжёлая кочерга фаллической формы провоцирует многочисленные позывы, однако сегодня она найдёт ей более подходящее применение.

Первой вдребезги разлетается ваза, стоявшая на самом камине. Безупречный китайский фарфор, осколки которого теперь валяются по всей комнате, некогда был дорогостоящим сувениром, привезённым мужем из самой Поднебесной. Следом за ним, издав глухой хлопок, на пол падает перекошенный телевизор. Плазма растекается по ковру фиолетовой жижей, суля серьёзные трудности с химчисткой столь деликатного ворса. Не минует своей участи и сервант. Многочисленные осколки стекла, хрусталя, фейерверк из капель элитного вина, виски и рома — всё это ударяется о стены, пол и даже потолок, уродуя безупречно белые стены, тюль и, разумеется, уже пострадавший ковёр. Не сбавляя темпа, Приличная мадам делает ещё несколько размашистых ударов по оставшейся куче стекла, дерева и разлитого спиртного, некогда бывшей любимым сервантом мужа, при этом ощущая, как несколько осколков врезаются в её кожу на руках, шее и даже лице. Лёгкая, колющая боль, способная лишь раззадорить.

Всё нутро горит огнём. Ощущение безудержной свободы, вперемешку с детской радостью возносят её душу в небеса, заставляя улыбаться. Улыбка становится всё лучезарней, с губ слетают первые короткие смешки, постепенно сливаясь в звонкий озорной хохот. Они жива. Она свободна. Она любит этот мир и дарит прощение всем, кто её когда-либо обидел. Это ли не есть истинное прощение? Никакой гордыни, никакой пустоты — только радость и любовь.

И снова укол в самое сердце. Любовь... любовь... Но не к нему.

Приличная мадам опускается на колени среди многочисленного хлама, в который она превратила некогда роскошное, безупречное место. По щекам текут слёзы. Она отпустила его, теперь уже точно. С благодарностью и теплом. Теперь она свободна.

4

Как ни странно, утро выдалось вполне ясным. Столбик термометра опустился до отметки в "минус двадцать два", зато метели как не бывало, лишь многочисленные волнистые сугробы свидетельствуют о недавнем ненастье. Воздух холодный, вязкий, прозрачный, как безупречный лёд, сковывает всё нутро, если вдохнуть поглубже, а дым печных труб устремляется вверх идеально ровно, будто многочисленные сизые канаты, тянущиеся в самое небо. Из-за холода снег такой рыхлый и лёгкий, что расчищать дорожки не составляет ни малейшего труда. Тело радуется такой нагрузке, реагируя приятными выбросами гормонов на каждый рывок лопаты. Предоставленная ведьмой старая спечовка, к слову, совсем не держит тепло, однако работы так много, что даже в такой одежде я чувствую жар.

Я расчистил весь двор, а после проложил вполне просторную дорожку к дальним хозяйственным постройкам, и даже сделал подходы к каждой из них. Ведьма не держит скотину, оттого и стоят за её хатой лишь старый покосившийся дровник, туалет да баня. Есть правда ещё сеновал, но, судя по провалившейся крыше, это строение давно никто не посещал и уж тем более не использовал по прямому назначению.

С чувством выполненного долга иду обратно в дом. Внутри уже повсюду разносятся ароматы драников и жареных шкварок. Благо, картошки, как оказалось, у ведьмы достаточно. Она хранится в погребе, однако думать, каким образом ей удалось разжиться таким богатством, мне не хочется. Возможно, внешность обманчива, и по весне она и впрямь займётся огородом.

Быть может, эти тонкие изящные руки вполне себе привыкли держать плуг или что там ещё? Как знать... Зато готовить у неё уж точно получается отменно.

Ведьма не любит завтракать. К слову, я тоже, потому наша трапеза, по времени, более близка к обеду. Сажусь за стол, как вдруг меня посещает идея: нужно будет приехать сюда позже и привезти хозяйке каких-нибудь харчей, заодно и денег подкинуть. С работы меня наверняка уже уволили, однако кое-какие сбережения у меня есть, так что, хочешь не хочешь, а за столь безумный эмоциональный порыв, благодаря которому я здесь, платить всё же придётся.

Ведьма ест молча и так же вдумчиво, тщательно прожёвывая каждый кусок. Её длинные и густые рыжие волосы, по традиции, собраны в хвост и спрятаны под воротник платья.

— Поезд будет только завтра. — Произносит она абсолютно будничным тоном. — Проходит здесь трижды в неделю, но с такой погодой... — Она делает несколько глотков чая из огромной пол-литровой кружки, аккуратно держась за рукоятку, так, чтобы не заляпать её жирными пальцами. — В общем, не знаю. Если бурана не будет, может, и появится.

Признаться, подобная новость повергает меня в уныние.

— Я и не знал, что уехать отсюда такая проблема. — Кладу недоеденный драник на край сковороды. Что-то нет аппетита.

— Приехать сюда не легче. — Ухмыляется ведьма. — Странно, что ты вообще тут оказался. — Она абсолютно сосредоточенна на пище, потому даже не глядит в мою сторону. Взяв в руку картофельный блин, хозяйка дома обмакивает его в содержимом сковороды. — Ну, снег растает по весне, тогда поезда начнут ходить стабильно. — Вновь эти язвительные замечания.

Что ж, сама напросилась.

— Ну, тогда ведь мне придётся пробыть здесь до весны. — Подмечаю я, пристально наблюдая за её реакцией.

Ведьма по-прежнему глядит куда-то в стол, размеренно пережёвывая пищу, однако её блестящие от масла губы расплываются в улыбке.

— Оставайся. — Ехидствует рыжеволосая бестия. — Определю тебя в дровник. Там топор есть и дров полно, так что будет, чем заняться, а заодно согреться.

Шутки шутками, но всё же...

— Я серьёзно. Если мне придётся задержаться...

Наконец она поднимает на меня взгляд и кажется, будто всё пропитанное серостью пространство вокруг наполняет изумрудное сияние.

— Если бы я не хотела, чтобы ты тут находился, то оставила бы тебя в той промёрзшей бане. — Секундная пауза. — Не переживай. Правда. — Она осторожно касается ладонью моей руки в знак поддержки, и эта искренность, пусть и мимолётная, разливается теплом по недрам моей души.

"Я дома".

— Ты веришь, что для каждого человека в этом мире есть место, к которому он подходит, как ключ к замку? — Вдруг выдаю я. — Ну, или как ты там говорила?

Ведьма проглатывает последний кусок и, отставив тарелку, задумчиво смотрит в окно:

— Да. Просто, в силу определённых обстоятельств, человек не всегда это место находит.

— Мы все идём не туда. — Разговор напоминает беседу двух хорошо выпивших друзей, но, как говорила ведьма, есть только здесь и сейчас, потому гоню прочь своего внутреннего критика. — Не к тем ценностям. Звучит банально, но сейчас я действительно осознаю смысл этих слов.

— Осознать это ерунда. — С улыбкой подмечает ведьма, начиная собирать посуду. — Важно то, что ты с этим осознанием будешь делать.

— Человек не может бросить всю свою жизнь в одночасье, лишь потому, что он понял, что живёт не так, как хочется. Стремление к ценностям, твоим или нет, затягивает, а если ещё

и удаётся их заполучить... — Я грустно вздыхаю. — В общем, нельзя взять и всё бросить. Не получится. Есть обязательства...

— Но ты же бросил. — Голос ведьмы доносится из кухни. — Пусть и на время.

— В том-то и дело. — Смиренно киваю я. — На время.

Она выглядывает из прохода. Всё тот же наигранный задумчивый взгляд с лёгкой издёвкой.

— Ну, зато теперь будешь знать, каково на вкус это чувство мимолётной свободы.

— Ага, и заодно, какова его цена.

— Да ладно. Ты сможешь всё наладить. — С кухни доносятся звуки водяных всплесков, а значит, ведьма принялась мыть посуду. — Об одном стоит помнить: по каким бы причинам ты здесь ни оказался, главное — по каким вернёшься. — Её милое лицо вновь выглядывает из кухни: — Раз уж ты задержишься... Хочешь помочь мне по-настоящему?

— Конечно. — Без промедлений соглашаюсь я. — А что надо делать?

Сказать по правде, я думал, она попросит помочь подлатать полы или печку поправить, но...

— Нужно убить медведя. — Произносит ведьма. — Минуту...

На ходу вытирая руки прямо о подол платья, она направляется к старому серванту у дальней стены первой хаты. Открыв скрипучую дверцу, она достаёт два массивных охотничьих ножа, больше напоминающих бандитские кинжалы.

— Наточи пока. — Рядом с ними тут же появляется наполовину обломанный брусок.

Происходящее абсолютно не укладывается в моей голове. Только что мы, будто старые друзья, беседовали на вполне себе философские темы, а тут на тебе. В душе всё ещё теплится надежда на то, что слова ведьмы не более чем шутка, однако похоже, что она настроена решительно.

— Что ещё за медведь? — Всё-таки не могу не поинтересоваться я. Ножи и так достаточно острые, так что точить их долго не имеет смысла. И, кажется, на их холодном острие я вижу едва заметные багровые вкрапления. — Бывший твой, что ли?

Ведьма улыбается в ответ на шутку, но не более того. Она всецело поглощена сборами.

— Надо успеть, пока снова метель не поднялась. И как я могла забыть? — Порывшись в старом шкафу у печной стенки, хозяйка дома достаёт затёртую кожаную сумку. — Ты не бойся, мне просто нужна грубая мужская сила. Там делов-то на пару минут.

Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох...

Есть только здесь и сейчас.

5

Долго идти не пришлось. Покинув дом, мы сразу направились в сторону Двины, где раскинулся массивный орешник, напоминающий в эту пору года огромную, промёрзшую насквозь деревянную клетку. Первым испытанием стали сугробы. Если в пределах ведьмино двора они едва достигали метра, то у реки их высота существенно загораживала обзор, а провалиться в один из них грозило перспективой, если не просидеть там до первой оттепели, то, по крайней мере, серьёзно переохладиться. Как ни странно, спасал мороз. Из-за низкой температуры снег по-прежнему был рыхлым и лёгким, как сухой песок, что хоть как-то уменьшало нагрузку при ходьбе.

А потом мы забрели в низину. Голые, промёрзшие деревья вокруг, будто оглоданные руки древних старух, смыкались над нами, пытаясь закрыть от яркого зимнего солнца. Снега было по пояс, и я не раз останавливался, дабы отыскать в белом месиве слетевшую с валенка галошу.

— По весне это место превратится в настоящее болото. — Впопыхах произносит ведьма.

Я молчу. Сказать по правде, я уже и не рад, что согласился помочь ей. Но что-то глубоко внутри толкает меня не менять курса. Нечто глубинное, дикое, будто древняя жажда, утолить

которую сможет лишь мощный выброс адреналина. Вероятно, так ощущается кризис среднего возраста. Вероятно, я просто сошёл с ума. Но эта жажда, прямо здесь и сейчас, на морозе, в этой заснеженной дикой глуши, как глоток свежего воздуха после десятилетий, прожитых в душном затхлом подвале. Она вновь пробудилась, обострилась до предела, и я не в силах бороться с ней.

Низина наконец упирается в невысокий холм, взобравшись на который, я вижу замёрзшее русло реки. Просторное, будто заснеженное поле, оно делает плавный крюк и уходит за небольшой "полуостров", усеянный многочисленными елями. Несколько рыбаков вдалеке поднимают на нас любопытные взгляды. Судя по отсутствию поблизости машин, это местные. Да и кто поедет на рыбалку в такую глушь, ещё и в такой-то мороз? Даже на столь приличном расстоянии я вижу румянец на их щеках. И эти взгляды... они, явно, не рады мне.

Пройдя несколько метров по береговой возвышенности, ведьма сворачивает вправо, где расположилась очередная низина. Небольшая её глубина тут же вызывает подозрение, да и моя спутница заметно убавляет шаг, стараясь издавать как можно меньше шума. Следую её примеру, чувствуя, как закипает всё моё нутро перед встречей с неизвестностью, как учащается пульс, а тишина вокруг будто бы превращается в густую, давящую массу. В воздухе появляются нотки неприятного запаха, как иногда пахнет в зоопарке: смесь псины и сырого перегноя — внезапно возникающее и так же внезапно ускользающее зловоние. Никаких следов не видно и в помине, что вовсе не удивительно, ведь после буранов в этих краях дороги не всегда найти можно, и даже некоторые невысокие хаты завалило едва ли не до крыш, что уж говорить об отпечатках лап каких-либо зверей, тем более, что те наверняка чувят этот мерзкий запах не хуже меня... Его возникновение волнообразно, будто дыхание самой природы, истинной колыбели человека, без вылизанного идеализма, порождённого якобы божественной волей.

Опустившись на одно колено, ведьма умелыми движениями раскидывает снег, и совсем скоро моему взору предстают тонкие, сгруженные друг на друга ветки, будто крыша импровизированной землянки, замаскированная снежным покровом. Принимаюсь помогать ей, хотя и без какого-либо интереса. Просто так, раз уж обещал. Благо, долго орудовать руками не приходится. Будто чувствуя вожаемую цель, ведьма быстро находит брешь в данной конструкции и тут же аккуратно откладывает в сторону несколько длинных и толстых веток, за которые, будто вагоны за паровоз, цепляются более мелкие. Ель, берёза, лоза — не нужно быть семи пядей во лбу, дабы понять, что весь этот лесной хлам оказался здесь не случайно, и открывшийся нам лаз живое тому подтверждение. Проём можно было сделать больше, однако толстый слой снега и необычайно массивные брёвна по краям проделанного окна сулят множество тяжёлой работы. Тем более, что в эту дыру, кажись, пролезем мы оба. Я вижу, как из неё поднимается пар... и вновь этот удушающий запах. Нет, зловонием его назвать нельзя. Ему больше подходит слово "естественный". Слишком уж "естественный" для городского обитателя, вроде меня. Теперь я чувствую его постоянно, и вдобавок к нему в ноздри мне бьёт металлический запах крови.

Осторожно заглянув в проделанный проём, ведьма довольно улыбается. Быстро сняв толстые неудобные варежки, она вытаскивает нож из-под тулупа и без раздумий ныряет внутрь. Я всё ещё наверху, озираюсь по сторонам, в надежде заметить синюю униформу сотрудника Охраны природы, но тщетно. Вокруг ни души, лишь несколько рыбаков вдали, которые выглядят теперь, как маленькие чёрные точки на просторном белом полотне. Остаётся лишь сосредоточиться на этом необузданном желании взглянуть в глаза всепоглощающему ужасу, что мучило меня последних несколько лет. Как же я долго бежал от него. Как же я был слеп. Возможно, так выглядит кризис среднего возраста. Возможно, я просто сошёл с ума. Но стоит лишь подумать про то, что существует только здесь и сейчас, про эту кипящую черноту внутри, про весь этот страх, как вдруг начинаешь понимать, что больше у него нет над тобою власти.

Закрыв глаза, я проскальзываю вниз.

Ощущение близости смерти завораживает, гипнотизирует душу, заряжает энергией лучше любого стимулятора, обнажая до предела каждый нерв, но не причиняет боли. Напротив, её прикосновения сравнимы с ласками вожаденной и такой недоступной женщины, что невесть каким образом достались тебе по необъяснимой воле случая. Главное, не отводить взгляда, иначе вся аура лопнет. Есть только здесь и сейчас, только здесь и сейчас, и тот порыв моей воли, что направлен навстречу неопишному ужасу, буквально вытягивает из последнего живительные соки, каплю за каплей, заставляя мою душу взрываться в ярких ответных вспышках. Весь ужас испаряется под натиском неуправляемой силы, оставляя лишь блаженные волны, разносящиеся по самым глубинным фибрам моей души.

Медведь спит, в этом нет ничего необычного, однако само ощущение его присутствия, дыхания и этой невыносимой "естественной" вони захватывает весь мой рассудок взрывом окрыляющего триумфа над великим животным страхом. Это и есть сладость преодоления — звериное древнее чувство. Сейчас я уверен, что, в первую очередь, именно оно давало моим предкам смысл жить и терпеть всю боль и ограничения первобытных времён.

Я вижу, как плавно и размеренно вздымается грудь зверя, будто дыхание самой природы. Скомканная, смятая шерсть перепачкана землёй и еловыми иголками; тёмно-коричневые массивные когти зияют своей кривизной и многочисленными сколами, а широкая круглая морда уткнулась в плечо. Передо мной будто бы дикий, безобразный мужик, который, нажравшись пивом, так и уснул на земле носом в собственную подмышку. Я вспоминаю те образы, что приходили мне в голову на том морозном пруду о совершенных, безупречных, не заляпанных реальностью мечтах. И вот она — реальность этого мира в полном телесном своём воплощении. Дрыхнет кверху брюхом, решив элементарные насущные задачи. Её мощь несоизмерима, безжалостность не имеет границ, а голод неутолим... и как же сильно от неё воняет. Но именно эта естественность порождает тот самый дикий, кипящий выброс адреналина, который, как оказалось, абсолютно мне подвластен. Что ж, я напьюсь им сполна.

Нож в моей руке пронзает шкуру зверя аккуратно в тот момент, когда ведьма вытаскивает своё оружие. Удар резкий, короткий и сильный. Массивная туша вздрагивает, а из горла ведьмы доносится тихий вскрик неожиданности. Биение огромного сердца заставляет вибрировать торчащую из шерсти рукоять ножа, и я буквально чувствую, как медленно, но верно оно замедляет свой темп, а вместе с ним угасает и жизнь. Тёплая багровая кровь заливает мне руки, куртку, и даже попадает на лицо тяжёлыми густыми каплями.

В душе воцаряется мёртвая тишина, будто после долгой кровавой битвы, ровно до тех пор, пока я не слышу тихий голос ведьмы:

— Глупый... — Тихо произносит она. — Какой же ты...

Глаза медведя резко открываются, будто вспыхнувшие фары, а из раненой груди вырывается громкий, тяжёлый рык, от которого, казалось, дрожит всё вокруг. Зверь не намерен сдаваться, и это дикое желание жить вопреки всему заставляет всё моё нутро на миг скукожиться в некоем подобии испуганной улитки. Вся естественная мощь, вся несуразная сила всего мироздания будто бы в раз обратилась против меня, пытаюсь сожрать, в первую очередь, мой дух, мои стремления, деморализовать, подавить, подчинить.

И всё же, я смотрю ему прямо в глаза, в эти бешеные врата ада, абсолютно незащищённый, беспомощный, смилившийся с необратимым — здесь и сейчас. Близость смерти вновь ощущается предельно ярко, а принятие её неизбежности успокаивает, освобождает от ненужных переживаний и страхов. Я наслаждаюсь всей этой лёгкостью, купаюсь в ней, чувствуя себя живым, как никогда. Мой страх вновь выгорает, как бумажный лист в безудержном пламени веры и смирения.

"Я не боюсь, — проносится у меня в голове как некое великое откровение аккуратно за мгновение до того, как нож ведьмы вонзается в шею зверя, заливая всё пространство вокруг горячей медвежьей кровью".

Животное в одночасье замирает, будто огромная, обмякшая скульптура. Никаких больше предсмертных агоний, никаких порывов жить.

Достав нож из навсегда умолкшего сердца, я пытаюсь сесть на корточки, но тут же падаю назад, уткнувшись спиной в земляную стену. Лёгкое головокружение не позволяет удержать равновесие, видимо, таковы последствия недавно выброшенного адреналина. Ведьма по-прежнему сидит у медвежьей головы, вытирая лезвие ножа полый собственного тулупа. Укутанная в столь тёплые одеяния, она похожа на облитую кровью матрёшку, и страшно подумать, как много слоёв сюрпризов уместает в себе её ментальное нутро.

В берлоге жарко и сыро. Запах псины вперемешку со свежей кровью, наполняет всё пространство, провоцируя рвотные позывы. Я с ужасом понимаю, что смерть пахнет иначе, несмотря на то, что медведь уже мёртв. Смерть пахнет гниением, разложением и тленом, и ничего романтического и прекрасного в ней нет и никогда не было. Она всегда имеет один и тот же запах, в отличие от жизни. Неимоверное облегчение в очередной раз наполняет мою душу в ответ на осознание простой, банальной истины: медведь есть часть реальности и глупо судить по нему одному обо всём мире. Милое лицо ведьмы яркий тому пример. Она так же естественна, но при этом прекрасна. Её красота будто поставлена в противовес недавно обувшему меня ужасу, словно некие неведомые силы решили в раз открыть мне глаза.

Что ж, я напьюсь ею сполна.

7

В берлоге тесно и душно.

Ведьма призналась, что медвежья шкура ей по душе и что дома у неё уже есть одна такая, однако освежать столь массивного зверя в таких условиях возможным не представляется.

С интересом наблюдаю, как перепачканная кровью девица умело орудует ножом, как при каждом слове из её рта вырываются клубы пара, а сосредоточенный, собранный взгляд будто бы режет тушу не хуже лезвия.

— Ты мог погибнуть. — Голос ведьмы звучит приглушённо в узком пространстве берлоги. — Никто не убивает зверя таким образом. Ударом в сердце можно только добить, но убить так достаточно трудно.

— Это я уже понял. — Смирено соглашаюсь я. — Не знаю, что нашло на меня в тот момент...

На сосредоточенном, заляпанном медвежьей кровью девичьем лице возникает улыбка:

— Я знаю. — Констатирует она. — Видела этот блеск в твоих глазах перед той нелепой атакой.

Как ни странно, стыда за свой порыв я не испытываю. Напротив, готов ответить за каждый свой вывод и принять ещё раз все те пьянящие чувства, что испытывал в мгновение той самой, как выразилась моя спутница, нелепой атаки. В этот момент я будто вижу себя со стороны, и мой образ кажется мне чуждым, диким, но таким настоящим и родным. Я чувствую, как невольно напряжены все мышцы моего лица, придавая ему собранный вид, в отличие от привычного лёгкого, глуповатого выражения. Такое ощущение, что та самая голодная до жизни сущность внутри меня, выбравшись наружу в очередной раз, решила-таки остаться на поверхности. Возможно, так выглядит кризис среднего возраста. Возможно, я просто сошёл с ума. Так или иначе, мне не приходится прилагать никаких усилий, дабы оставаться сосредоточенным и серьёзным, как раньше, в моей прошлой жизни, когда я изо всех сил старался побороть сонливость и скуку, сидя на многочисленных совещаниях и планёрках. Наверно, это хорошо.

— Банальный всплеск адреналина. — Будто бы уловив мои мысли, произносит ведьма. Её руки умело копаются в медвежьих потрохах, сырой, тяжёлый запах которых уже заполнил всё пространство вокруг, напрочь перебив предыдущий "аромат".

— Ты о чём? — Удивлённо бросаю я.

— Тебя заботит твоё лицо. — С улыбкой продолжает ведьма. Её мягкий, тёплый взгляд едва касается меня, попутно задевая невидимые струны внутри, которые тут же источают тепло вместо музыки. — Адреналин ударил в голову, а он тот ещё стимулятор, оттого и вид такой собранный. — Она звонко щёлкает языком, не прерывая процесса исследования медвежьих внутренностей, как бы в закрепление всего сказанного. — Всё просто.

— А я-то думал, ты зарядишь телегу про мою настоящую сущность, которая выбралась наружу и всё такое. — Усмехаюсь я.

— Зачем? — Яркие зелёные глаза вновь сканируют меня с головы до пят, и мне кажется, будто бы я снова вижу в них лёгкое изумрудное свечение. — Ты ведь сам уже сделал такой вывод.

— Да, но как ты узнала, что я думал именно об этом?

Ведьма пожимает плечами:

— Ну, я же ведьма.

— А если серьёзно?

— Если серьёзно... — Её рука медленно проскальзывает внутрь распоротого брюха, но взгляд по-прежнему сфокусирован на мне. — Твои мысли — такие же внутренности. Я просто запускаю туда руку. — Она улыбается с вызовом, даже с лёгкой издёвкой. Ей доподлинно известно, насколько обаятельна её улыбка, и ведьма активно этим пользуется. Даже сейчас, когда в глазах её читается дерзость, а щёки и лоб перепачканы кровью, она продолжает сохранять этот пленительный, волшебный антураж.

Мне остаётся лишь махнуть рукой:

— Да иди ты!

Она довольно хихикает, словно подпитавшись моими эмоциями, и продолжает рыться во внутренних органах убитого животного, только теперь уже более собранно.

— Что ты там ищешь? — Внезапно осеняет меня.

— Скоро узнаешь. — Отвечает ведьма, а после бормочет себе под нос: — Не могли ведь они... ошибиться.

Она явно раздосадована. Я же испытываю совсем иное чувство. Теперь её действия начинают всерьёз меня тревожить, ибо остервенело ковыряющаяся в туше медведя баба выглядит, как минимум, странно. Надеюсь, она пытается нащупать какой-то ценный внутренний орган, что-то типа медвежьей предстательной железы или бог знает, что ещё. Надеюсь, она не сошла с ума, ибо, если подумать, это могло бы многое объяснить.

— Есть! — Радостно восклицает ведьма.

Я не верю своим глазам, видя в её руке окровавленную пулю. Сквозь багровые разводы проступает серебряная поверхность, увенчанная резной спиралью. Не сказать, что я разбираюсь в оружии, но, на мой скромный взгляд, перед нами двенадцатый калибр.

Всё ещё находясь в полнейшем недоумении, я задаю вопрос:

— Как ты узнала, что там пуля? — И тут же испытываю приятное облегчение, ощущая, как разум всё-таки занимает доминирующую позицию: — Наверно, ты видела, как в него стреляли? — Мой голос звучит задумчиво и тихо. Просто мысли вслух.

— Этой пуле лет тридцать. — Усмехается ведьма. — Я столько ещё не прожила.

— Но...

— Но реальность, — осекает она, — как дикий зверь. И я просто засовываю руку в его внутренности.

Вновь этот дразнящий вызов во взгляде. В моей голове всё перемешалось и желания спрашивать что-либо ещё попросту нет, потому я молча отвожу глаза, как бы говоря: "вопросов больше не имею".

— Пошли домой. — С улыбкой произносит ведьма. — На сегодня с тебя достаточно.

8

Ясная погода продержалась до самого вечера, что позволило всей округе лицезреть заходящее солнце.

Стемнело быстро, и мороз тут же опустил столбик термометра до отметки в "– 25", как нетерпеливый подросток, наконец дождавшийся ухода родителей, дабы вступить в полноправные владения пустым жилищем без их строгого надзора.

По возвращению домой, мы почти не общались, лишь перекинулись парой фраз во время готовки ужина. Ведьма серьёзно устала, что было заметно по её впалым глазам и почти полному отсутствию разного рода шуток и подколов в разговоре. Я и сам готов был упасть прямо в сених и забыться во сне, несмотря на то, что абсолютно не чувствовал истощения по дороге домой. Его волна накатила внезапно и подло, стоило мне лишь войти в тепло.

Полужинав, ведьма едва ли не сразу отправилась спать. Она предложила мне влезть на печь, поскольку ночью в кровати у стены может стать холодно. Сама же она отправилась во вторую хату. Там расположился небольшой старенький камин, конструкция которого позволяла не гасить пламя всю ночь, не опасаясь пожара.

Уже устроившись на печке, я слышу, как открывается дверь, затем до меня доносится звук тихих девичьих шагов. Она будто бы что-то забыла, и уже спустя мгновение, я понимаю, что именно. Ведьма совершенно нага, лишь тяжёлое пуховое одеяло скрывает её фигуру от моих глаз. Пару раз оно спадает с её изящных плеч, будто невзначай, оголив спину, едва ли не до самых ягодиц, и тут же она забрасывает его обратно, под самую шею, словно защитный панцирь. Такая хрупкая, такая нежная, такая ранимая... и такая волнующая.

Срезав несколько полосок вяленого мяса с висящего на стене куска, ведьма садится на корточки у торца печи. В полумраке я вижу её по-девичьи сдвинутые колени, её слегка приоткрытые плечи, красивую шею, и даже манящую ложбинку груди. В какой-то момент она вновь подтягивает одеяло, и на долю секунды мне открывается нечто большее. Но лишь на миг.

Так или иначе, мясо оставлено под печью, ведьма уходит во вторую хату, а я ложусь обратно, чувствуя, как сладкая дрожь проносится по моей коже, будто раскаты грома по весеннему небу.

Дневник сновидений

Приличная мадам настолько прилична, что входит в вагон метро, не удостоив взглядом никого из пассажиров мужского пола. Справедливости ради, стоит отметить, что женщины также вне поля её зрения.

Несмотря на довольно поздний час, народу в вагоне битком. Что поделать, пятница есть пятница, конец недели, и все стремятся по своим неотложным делам, сулящим долгожданный, пусть и весьма сомнительного качества, отдых. Необходимо стряхнуть жир с мозга, хоть чуточку, дав себе любимому возможность ощутить целый букет эмоций, прежде чем вновь вернуться в привычное колесо бессмысленных и монотонных дел.

Приличная мадам настолько прилична, что едет исключительно стоя, даже не прислонившись к двери вагона и принципиально не приближаясь к сидячим местам, дабы никто и подумать не мог о том, чтобы предложить ей присесть. Она смотрит строго себе под ноги, невзирая на многочисленные взгляды в свой адрес. Приличная мадам неприлично красива... как и всегда. Волосы собраны в "луковку" на затылке. Руки скромно держат дамскую сумочку, которая будто бы прикрывает подол неприлично короткого платья. Неприлично

красивые ноги манят своим видом, приподнятые высокими шпильками икры и бёдра обретаю ещё более желанный вид.

Вагон трогается, втягивая в себя поток прохладного воздуха через открытые окна. Волнистая светлая прядь предательски высвобождается из общего строя, мило повиснув над её лицом.

Приличная мадам настолько прилична, что тут же закладывает её за ухо, подавляя столь незначительный, но всё же мятеж, правда это не помогает. Очередное дуновение, и она снова свободна.

На лице приличной мадам видна растерянность. Её рука машинально тянется к непослушной пряди, но замирает в воздухе, остановленная взрывом нерешительности, таким же внезапным, как дуновение ветра в открытую форточку вагона.

Всем вокруг плевать. Каждый пассажир увлечён своим миром. Люди в вагоне беседуют, смеются, слушают музыку, читают, играют в игры, но никто не смотрит по сторонам, будто бы боясь разглядеть в глазах окружающих то, что может им не понравиться. То, что таится в них годами, но так и не выберется наружу.

Но у Приличной мадам всё иначе, и в этом плане ей повезло куда больше, нежели остальным людям. Она смогла разжечь огонь в своём сердце и теперь наслаждается его теплом, хоть пока её разум и не приемлет возникшей ласки.

Я замечаю, как по её коже бегут мурашки. На лице отображается замешательство, а взгляд мечется по сторонам, пытаясь убедить рассудок в том, что никто вокруг не видит, что происходит с ней в этот момент. Как меняется её вселенная, и она не в силах остановить этот процесс, как не в силах повлиять на ход времени и смену времён года.

И эта прядь... она предательски выбилась из общего строя и будто бы категорически не желает в него возвращаться, дразнясь, наслаждаясь своей свободой, наплевав на любое приличие.

Всё нутро Приличной мадам бьётся в истерике, крича, вопя, умоляя вернуться в привычные рамки. Её трясёт... Трясёт от страха перед неизвестностью, от всего этого столь непривычного окружения, от осознания необратимости процесса. В её душе тьма — беспросветная, болезненная, всепоглощающая. Она наполнена сотнями ужасных образов, готовыми в любой момент предстать её психике, словно жуткие рыбы из потаённых глубин океана.

Она вот-вот сойдёт с ума, не выдержав тяжести своих скрытых желаний. Секундное затишье...

И вдруг её щёки покрывает алый румянец, а губы искривляются в мрачной, порочной улыбке — торжестве свободы и безграничного счастья.

Электричка останавливается, дабы принять в себя поток людей. Я знаю эту станцию. На ней всегда полно народу, особенно в такое время.

Двери открываются и волна новых пассажиров заполняет вагон, практически не оставляя в нём свободного места. Я сливаюсь с толпой в направлении площадки, у противоположных дверей просачиваясь к заветной цели. Она ждёт. Она готова. Она жаждет меня, и мне нужно торопиться, ведь совсем скоро это желание утихнет и всё снова вернётся на круги своя.

Я миную людей. Мужчины, женщины, молодые девушки, парни-подростки. Им некомфортно чувствовать, как об их спины, бёдра и ягодицы трётся протискивающийся вперёд мужик. Что ж, прошу прощения... но мне это нужно. Есть только я и мои звёзды, а Приличная мадам одна из них, и сейчас она горит достаточно ярко, как никогда в жизни.

Я чувствую недовольство людей, но, лишь приблизившись к ней, тут же замечаю, насколько резко меняется эмоциональный фон. Она дышит страстью, желанием и похотью. Она жаждет ласки. За все те годы, проведённые в непонимании и духовном одиночестве, за всю ту пустоту, подаренную ей некогда любимым мужем.

Её запах... он перебивает все ароматы вокруг, но чувствую его только я.

Всё нутро закипает, будто вода в котле, едва моя грудь прижимается к её спине. Ткань платья настолько тонкая, что я чувствую каждый изгиб её совершенного тела, как и его тепло... и эта дрожь, что вызвана страстью. Она усиливается, как только я касаюсь её бедра своей ладонью, нежно провожу по гладкой, ухоженной коже и чувствую, как она буквально вздрагивает, чуть обернувшись, едва мои пальцы проскальзывают под подол.

На ней нет белья. И теперь уже моё дыхание, дрожь, набирает темп.

Приличная мадам чувствует это. Она не раскрывает рта, но я слышу её голос, а это означает лишь одно: я нашёл её, и мои поиски не были напрасны. Она говорит с лёгкой игривостью, при этом на её губах вновь сияет эта томная улыбка. Она рада, что я нашёл её, и, боже, как же сильно она меня ждала. Она говорит, что теперь никогда меня не отпустит. Я нужен ей. Как воздух. Как цель. Как мечта.

Я формирую посыл, и многочисленные спины пассажиров обступают нас ещё более плотно. Вот он — "зелёный свет" от самих богов, и я обязан им воспользоваться.

Она всё ещё выражает радость, но мы оба знаем, что страсть вот-вот прорвёт плёнку столь поверхностных эмоций. И она прорывает... а вместе с ней вхожу и я.

Жарко, томно, влажно... и так хорошо. Приличная мадам настолько прилична, что даже сейчас демонстрирует строгость воспитания и хорошие манеры, изо всех сил не подавая вида, что что-то вообще происходит. Однако хватает её ненадолго. Мне не нужно даже стараться. Её желание так велико, что она оказывается на самом пике уже спустя минуту. И в этот момент всё её тело содрогается в приятных конвульсиях, провоцируя мой оргазм ворваться в её нутро мощным, нестерпимым потоком. Она всё ещё дрожит, а я не спешу оставлять её. Мы едем молча ещё несколько минут, ловя приятные, остаточные всплески удовольствия. Её дыхание постепенно выравнивается так же, как и моё. Люди вокруг не замечают нас. Они слишком заняты проблемами собственной личности, чтобы суметь разглядеть, почувствовать.

Электричка тормозит, и голос в динамиках объявляет приближение к следующей станции. Я знаю, что там, наверху, находится сеть ночных клубов, поэтому где-то две трети салона сейчас опустеет. Выйдет ли Приличная мадам или нет? Не знаю. Одно мне известно наверняка: это будет уже совсем другой человек, и только свисающая над лицом прядь её светло-русых волос будет напоминать о нашей встрече.

Я двигаюсь к выходу, не дожидаясь остановки, готовясь слиться с всеобщим потоком. И вдруг я слышу тихое "спасибо". Обернувшись, я вижу приличное выражение лица Приличной мадам. Строгий, сосредоточенный взгляд, застёгнутые на груди пуговицы, и даже её лёгкое платье больше не кажется вызывающим. Быть может, из-за отсутствия вызова в её глазах?

Всё может быть. Я покидаю вагон.

9

Тихий металлический лязг доносится из сеней, моментально вырывая меня из сна. В тишине деревенской ночи все звуки воспринимаются острее. Лунный свет, ниспадающий на снег, озаряет округу, проникая сквозь оконное стекло. Звук шагов за дверью невозможно спутать ни с чем.

Они перешёптываются, и, судя по голосам, их явно больше двух. До меня доносятся приглушённые смешки. Голоса, очевидно, мужские, а слегка заплетающиеся языки выдают наличие алкоголя в их желудках.

Если бы входная дверь в этом доме была оборудована хорошим замком... Но нет. В глухих деревеньках, подобной этой, максимальной защитой от воров может служить лишь чугунный крючок, который теперь благополучно валяется на полу, вместе с запорной петлёй.

Это явно местные, а значит им должно быть доподлинно известно, что в доме ведьмы брать попросту нечего. Эта мысль ввергает меня в шок. Несколько пьяных мужиков пробрались в дом к одинокой молодой девке, очевидно, не для того, чтобы украсть пару луковиц или старую посуду.

Дверь, ведущая в сени, открывается с тихим скрипом. Сверху мне хорошо видны их крадущиеся силуэты, идущие друг за другом, будто персонажи какого-то детского мультлика. Всё-таки их двое. Или, возможно, кто-то третий остался снаружи, так сказать, "на стрёме". И, чёрт возьми, мне кажется, будто я видел их раньше. Даже при столь дрянном освещении я узнаю фигуры рыбаков, что провожали нас взглядами по дороге к берлогу. Возможно, я ошибаюсь, и причина этого кроется в разыгравшемся воображении и окружающем меня полумраке. А может, так и есть. Теперь уже поздно судить.

Двое внизу замирают, как замираю я, сжимая в руке рукоять охотничьего ножа, того самого, острие которого не так давно прошило медвежью плоть. В тишине ясной зимней ночи я слышу их шёпот:

— Зажмёшь суке рот. Только сразу. — Небольшая пауза. — Я буду первый, потом ты.

Ледяная волна ужаса прокатывается по моей спине.

— Может, нож к горлу приставить? Она молчать будет.

— Не, в прошлый раз она так завопила, что пришлось свалить. Ещё и Сане рожу расцарапала...

Очередная холодная волна, на этот раз ещё массивнее и больше. Молодая, хрупкая девушка, совсем одна в этом доме, предоставленная самой себе. И только ночь вокруг... Она скроет всё.

Последняя мысль внезапно будто бы сбивает с меня невидимые оковы, наполняя душу уже знакомой мне лёгкостью. Мой разум невесом, отчего каждый вывод, каждое решение принимается с небывалой скоростью и полным отсутствием гнетущих сомнений. Ночь не выдаст, она скроет всё, а значит пора бы выпустить зверя наружу.

Я буквально чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке предвкушения, а по спине бегут уже приятные мурашки, вызванные глубоким чувством нетерпения. Разум бросает многочисленные "стоп-сигналы": их больше, они сильнее, у них может быть оружие, в сенях могут находиться их дружки, они могут вернуться позже — причин отступить не перечесать. Но лишь один-единственный довод топит их разом, как старую дырявую лодку. И этот довод есть горящая решимость в моей груди. Ощущение близости смерти снова пьянит, конечно, не так, как в берлоге, но всё же, этого вполне достаточно.

Я не спускаюсь осторожно. Я прыгаю на пол, слыша, как лязгает посуда на металлических полках. В этот момент мне почему-то хочется именно заявить о себе во всеуслышание, а не скрываться в тени, словно напуганная мышь. Двое замирают у двери во вторую хату, потерянные, обескураженные, и прежде чем хоть кто-то из них успевает сообразить, что к чему, мой нож уже упирается лезвием в грубую мужскую кожу, покрытую густой щетиной. От них несёт перегаром и сырой рыбой, что лишь подтверждает мои догадки о том, кто именно решил почтить ведьму столь поздним визитом. Я не умею читать мыслей, однако мне кажется, что, помимо страха, эти двое испытывают ощущение вселенского прокола. Они видели меня, там, на берегу, но всё это время думали только о ведьме, даже не беря в расчёт её компаньона. Возможно, они просто не увидели во мне угрозы, но что-то внутри подсказывает, что обо мне банально забыли.

Как бы там ни было, оба застыли, не шевелясь. Тот, что ближе к двери, поднимает руки, демонстрируя желание сдаться, правда, я ему не верю. Здесь и сейчас — в полумраке и с ножом в руке, глядя в глаза настоящему ужасу, ибо одному только дьяволу известно, на что способны наши ночные гости. Как же пьянит это чувство... Я не собираюсь убивать их, нет умысла даже

кого-либо ранить, но этот миг — миг, когда ты чувствуешь полное превосходство над всеобъемлющим страхом, — я готов наслаждаться им вечно.

Однако, как и всё сущее, он имеет свой конец. Лунного света вполне хватает, чтобы разглядеть лица незнакомцев. Обоим уже за сорок. Оба потасканы жизнью и, очевидно, пьяны. Просто местные браконьеры. Просто решили развлечься. За годы, проведённые на природе, они настолько хорошо научились читать всё живое, что заметить сомнение, мелькнувшее в моих глазах, для них не составляет ни малейшего труда. Какой же я придурок... Они больше не боятся, и, кроме того, знают, что я не способен причинить им вред. Взгляды обоих меняются. Теперь в них сияет любопытство, вперемешку с хитростью. Сейчас они заговорят со мной, и всё пропало. Вся глупость и бессмысленность моих действий окатывают с головы до пят, словно тазик ледяной воды, а всеобъемлющие чувства свободы и превосходства подло посмеиваются в дальнем углу.

Дверь второй хаты медленно открывается, приковывая к себе всё внимание незваных гостей. Я испытываю и ужас, и облегчение в единой связке, в глубине души проклиная себя за столь внезапный упадок духа. Теперь я знаю, то же самое ждало меня в берлоге, не окажись ведьма достаточно проворной, только тогда бы, как и теперь, к страху добавилась бы ещё и смерть.

Ведьма абсолютно нага. Молча застыв в дверном проёме, она сверлит незнакомцев уже знакомым мне взглядом прекрасных зелёных глаз. Густые рыжие волосы ниспадают за спину буйным водопадом. Могу поклясться, она нарочно закинула их назад, дабы ничто не препятствовало лицезреть её небольшую, но упругую грудь. Даже в полумраке зимней ночи я вижу несколько веснушек, покрывающих нежную хрупкую шею, будто само лето мягко коснулось её кожи своей ласковой тёплой рукой.

На губах ведьмы застыла улыбка, но совсем не та, что она даровала мне во время наших бесед. Так, как она сейчас, улыбаются все эти инстаграмные модели, с явным превосходством и даже лёгким презрением в глазах. Улыбка говорит за себя: "Смотрите, мальчики, наслаждайтесь. Таким телом вам никогда не овладеть". Но мальчики слишком глупы, чтобы прочесть это на её лице, опрометчиво приняв данный поступок за смирение с неизбежным. Они научились читать природу, но лишь одна её книга так и осталась для них нетронутой, и имя ей Женщина. Они больше не обращают на меня внимание. Они молча приближаются к хрупкой обнажённой красоте, всё так же воняя рыбой, всё так же чувствуя себя хозяевами положения. В последний момент в голове моей проносится глупое предположение: а что, если она заколдовала их? Она же ведьма. И тут же здравый смысл выставляет меня дураком перед самим собой. С такой внешностью, чтобы крутить мужиками, не нужно никакой магии, жаль только...

Острое лезвие влетает в горло браконьера так быстро, ловко и естественно, что приятель последнего невольно вскрикивает. Удивление длится недолго, поскольку участь товарища постигает и его самого, только на этот раз острие ножа проносится по кадыку, лишь на долю секунды оказавшись внутри. Ничего страшного, этого вполне достаточно. Тот, что был первым, протягивает дрожащие руки к ведьме, затем ко мне, и, не найдя помощи, медленно садится на корточки, пытаясь изо всех сил зажать рану руками. По испуганному, но всё же собранному взгляду, мне ясно: он понимает, что сейчас умрёт, но всё равно пытается зацепиться за жизнь. Второй незнакомец, похоже, сразу смирился с участью трупа и просто ложится на пол. Я вижу, как вокруг его головы растекается чёрное пятно, стремительно увеличивая свой диаметр.

Наконец тот, что сидел на корточках, падает на бок, издав перед этим несколько хриплых булькающих вздохов. В полумраке я всё ещё вижу осознанность и разум в его глазах, а затем жизнь покидает их, будто неуловимая составляющая человеческой харизмы, которая не меняет мимики и взгляда, но, оставив личность, она превращает человека в пресную безжизненную куклу. Вроде бы всё тот же взгляд, всё то же выражение лица, но сразу ясно, что он мёртв.

Ведьма снова залита кровью, но на этот раз принадлежит она зверю пострашнее медведя. Я стараюсь не касаться её взглядом или, по крайней мере, не пялиться слишком уж откровенно. Получается с трудом, ведь альтернативная картина ещё менее привычна моему взору. Два трупа на полу, всё вокруг перепачкано вязкой тёмно-коричневой жижой, и так сильно, что кажется, будто отмыть пол не получится никогда. Я хочу зажечь лампу, но ведьма тут же одёргивает меня, предотвратив очередное необдуманное действие.

— Там, в сенях, может быть третий. — Внезапно вспоминаю я, дивясь тому, насколько твёрдо звучит мой голос.

Ведьма лишь качает головой:

— Нет, их было двое. Тебе показалось. Они следили за мной в окно, когда я кормила... — Она замолкает. Голос её так же твёрд и ничего в поведении не выдаёт ни намёка на слабость или страх, но слёзы всё-таки пробиваются наружу. Мне хочется утешить ведьму, хотя бы обнять, но один её внешний вид тут же включает в сто раз больше стоп-сигналов, нежели решение напасть на двоих незнакомых здоровых мужиков.

К счастью, плачет она совсем недолго. Собравшись с мыслями, хозяйка произносит:

— Помоги мне бросить их под печь.

Всё моё нутро сопротивляется данной затее, вгоняя психику в дребезжащий стресс, но ведьма уже тащит одного из наших гостей, подхватив труп под руки. Такая хрупкая, нежная, но такая сильная и безжалостная. Она по-прежнему не одета, но кровь на её коже, вдобавок к полумраку, хорошо скрывает все прелести молодого тела.

Из-под печи доносится беспокойный шум, будто огромная голодная собака мечется в будке, предвкушая заветную трапезу, и, как бы я ни старался представить на её месте кота, пусть даже очень крупного, ничего не выходит. Впрочем, собаку мой мысленный взор также не рисует.

Тела с лёгкостью улетают в большое чёрное окно у самого пола. Видно плохо, но складывается впечатление, будто некто помогает им поскорее оказаться под печью, утаскивая в это зияющее, зловещее пространство. Что ж, стресс и дикая усталость способны заставить видеть то, чего нет на самом деле, не говоря уже об умозаключениях.

— Принеси воды из сеней. — Просит меня ведьма, второпях растапливая печь.

Благо, вечером я набрал четыре огромных ведра, которые ещё не успели замёрзнуть. Два из них ведьма ставит поближе к огню, два других несёт к двери во вторую хату.

— Помоги мне. — Она протягивает сухую тряпку. — Нужно оттереть эти пятна.

Я не сопротивляюсь. Происходящее кажется чем-то невероятным, но я не произношу ни слова. Всё вокруг похоже на какой-то кошмарный сон, который никак не желает закончиться, но я молчу. Методично и размеренно удаляю всё ещё тёплые пятна и лужицы, которые, к слову, достаточно хорошо отходят от деревянного пола, вопреки моим ожиданиям. На дворе глубокая ночь, но луна по-прежнему светит настолько ярко, а глаза так хорошо адаптировались к подобному освещению, что ни одно пятнышко не в силах остаться незамеченным. По крайней мере, пока.

Возможно, поисковая собака или ультрафиолетовая лампа смогли бы выявить картину произошедших здесь событий, но я не думаю, что ближайшее отделение милиции оснащено чем-либо подобным. Да и утром, я уверен, ведьма ещё не раз отдраит пол.

Из сеней доносится шум воды, однако волнуют меня совсем другие звуки, которые исходят из-под печи: громкий хруст костей и жадное, быстрое чавканье, иногда сменяющееся смачным посасыванием. Не хочу даже думать, что именно происходит в той тёмной нише, хотя, кажется, это и так понятно.

Двух ведер вполне хватило. Я также убрал кровавые "дорожки" ведущие в кухню, но истинный результат моей работы можно будет увидеть лишь при дневном свете.

Ведьма проскакивает мимо, на носочках, теперь уже робко прикрывая грудь руками. В полумраке кухни мне открывается вид её стройных ножек, но лишь на миг, прежде чем их обладательница ускользает во вторую хату, где, покопавшись в старом шкафу, облачается в помятую льняную накидку. Как ни странно, её длина едва доходит до середины бедра, а отсутствие пояса и каких-либо пуговиц не позволяют ни застегнуться, ни хотя бы прикрыться.

— Ну как, оттирается? — Интересуется ведьма. Одной рукой она придерживает края льняного халата, дабы те не разошлись, другой же орудует полотенцем в длинных мокрых прядях.

— Вроде да. — Я стараюсь не смотреть на её ноги, и, признаться, даётся мне это с трудом. — Если воды не хватит, возьму ещё на веранде.

— Хорошо. — Она не уходит. Просто стоит надо мной, вытирая волосы, теперь уже держа полотенце обеими руками. — Утром баню вытопим. Тебе тоже помыться не помешает.

— Ага. - Пятен на полу я больше не вижу, однако ведьма всё ещё здесь, всё ещё стоит над душой, как бы ожидая чего-то, и мне доподлинно известно — чего. — Ты ждёшь, что я потребую каких-либо объяснений? — Произношу я, на удивление, всё ещё твёрдым голосом. — Или поклянусь никому ничего не говорить, в обмен на обещание не поступить точно так же со мной? — Теперь мой голос явно выдаёт насмешку. — Я не боюсь тебя, ведьма. Я просто ничего не чувствую. Вся жизнь, как в тумане.

— Чувствуешь. — Тихо произносит ведьма, и мой мысленный взор буквально рисует на её лице улыбку. — Уже чувствуешь. — Она уходит почти неслышно, лишь на миг обернувшись у двери во вторую хату. — И, по правде, я ждала другого.

Что ж, похоже, мне также стоит поупражняться в "чтении". Хорошо хоть, что, в отличие от браконьеров, моя безграмотность не стоила мне жизни.

10

Выливая разбавленную кровью воду с крыльца на веранде, я почувствовал, как поднимается ветер, а ближе к утру опять началась метель.

Угли в печи тлели до рассвета, наполняя первую хату жаром, да так сильно, что мне пришлось перебраться на кровать у стены. Не помню, как провалился в сон, однако разбудили меня ведьмины шаги.

В хате всё ещё достаточно тепло, однако ревущий ветер за окнами подсказывает, что это ненадолго. Вчерашняя ясная погода дала надежду на скорое приближение весны, чего не скажешь о сегодняшнем буране, наполнившем весь дом привычными для него серостью и унынием. Бьющие в стену холодные воздушные массы сотрясают оконные стёкла, за которыми не видно ничего, только тусклая белёсая мгла, в непроглядной массе которой иногда проскальзывают крупные снежные хлопья. Этот дом будто бы находится вне времени и пространства, на отшибе всего мироздания, и в такие моменты складывается ощущение, будто законы бытия не в силах оказать какого-либо воздействия на его обитателей.

На ведьме серое длинное платье, под самую стать окружающей атмосфере. Медленно прошагиваясь по облупившемуся полу, она внимательно изучает его поверхность на предмет не трудно догадаться, чего. Похоже, я поработал на славу, ведь ни единой капли пока что не видно. Оценив состояние пола, хозяйка дома так же пристально осматривает старый сервант, под завязку набитый такими же старыми книгами, затем взгляд её перемещается на шкаф, печь, и даже холодильник. Медленный, тщательный осмотр — и никаких следов насилия.

— Выспался? — Внезапно произносит она, даже не взглянув в мою сторону.

Молчу в ответ. Её интонация ставит в тупик, являя собой смесь грубости и претензии, воплощённой в голосе. Знать бы, что именно вызывает у неё такую реакцию.

Ведьма тем временем приближается к печи и, привычно встав на четвереньки, заглядывает в чёрное окно у самого пола. Звуки чавканья давно утихли. Вероятно, её питомец крепко

спит, вдоволь насытившись столь внезапно обломившемся лакомством. Однако что-то всё же её беспокоит. Присмотревшись получше, я замечаю бардовую лужицу у плиты. Вероятно, я просто разлил немного грязной воды из ведра во время уничтожения следов того, что было здесь ночью, но ведьма рушит моё предположение.

— Бля! — Яростно фыркает она. — Ну нельзя же жрать всё сразу! Я же говорила, по чуть-чуть!

Всё также молча наблюдаю за её поведением. Хозяйка дома исчезает из виду, отойдя ближе к двери, ведущей в сени, и тут же до меня доносится такое же недовольное:

— И тут ещё наблевал!

Какой бы ценитель человеческого мяса не жил у неё под печью, сомнений нет, этой ночью он явно переел, что, ожидаемо, вызвало рвоту. Я даже думать не хочу, как именно выглядит питомец ведьмы, и, уж тем более, знать, какие чувства он испытывает ко мне, однако плотная метель за окном и отсутствие движения междугородного транспорта в один голос твердят, что, рано или поздно, мне всё же придётся с ним столкнуться.

Ведьма снова заглядывает под печь, на этот раз вооружившись керосиновой лампой.

Внимательно осветив тёмную нишу, она буквально проскальзывает в эту узкую чёрную дыру, будто во чрево огромного монстра, один взгляд на которую способен вызвать приступ клаустрофобии у большинства нормальных людей.

Из-под печи доносятся звуки возни, но едва уловимое движение под столом подсказывает мне, где нужно искать на самом деле. Тем более, если присмотреться получше, то можно разглядеть засохшие испражнения того же багрового цвета на подлокотнике кресла, и даже на белой стенке холодильника, которые, при местном освещении, увы, едва не остались незамеченными.

Поднявшись с кровати, осторожно приближаюсь к столу. Рычания не слышно, что уже хорошо, ибо чего-чего, а драки с собакой мне точно не нужно. Опускаюсь на пол, медленно заглядывая под стол, и также медленно мне открывается картина: огромная, массивная ящерица лежит на полинявших досках, наполовину прикрыв яркие изумрудные глаза в приступе смертельного истощения. Её внушительных размеров голова слегка приподнята, длинный, раздвоенный на конце язык повис из пасти, как у огромной змеи, а длинные загнутые когти монотонно и едва слышно оскрёбывают пол, явно успокаивая обескураженную психику. Раздутое брюхо лежит между короткими крепкими лапами, словно отдельный организм. Я замечаю, как сокращаются его мышцы в такт низкому, утробному урчанию, и каждый подобный спазм непременно заканчивается громким бульканьем где-то в районе глотки. Ящерица не рада видеть моё лицо, и, возможно, в другой ситуации эти острые когти наверняка полоснули бы мою щёку или ещё чего похуже, но не сейчас. Сейчас монстр лишь слегка приоткрывает большие глаза, демонстрируя незваному гостю мутный потерянный взгляд. На белых глазных яблоках проступают мелкие капилляры, очевидно, не свидетельствуя ни о чём хорошем. Зверь пытается выразить свою неприязнь, издав нечто, наподобие рыка или шипения, но, так или иначе, ни на первое, ни на второе у него просто не хватает сил. Короткий хриплый выдох — и очередной спазм в желудке выплёскивает его содержимое прямо на пол. Запах полупереваренной плоти наполняет пространство под столом.

— Нашёлся. — Голос ведьмы звучит неожиданно, но вполне спокойно и даже нежно. — Бедный обжора.

Она проводит ладонью по распухшему чешуйчатому брюху, в ответ на что ящерица тут же приспускает веки, наслаждаясь заботой. Грудная клетка зверя приподнимается от частого, но поверхностного дыхания и такого же частого, неглубокого пульса.

— Плоть этих нелюдей такая же, как и их души. — Злобно цедит ведьма. — А ты ещё и съел так много.

— Никогда не видел таких ящериц. — Я сажусь обратно на кровать. — Давно он у тебя?

Ведьма хотела было что-то сказать, но, в итоге, просто машет рукой в знак безразличия.
— Давно.

По правде говоря, мне не очень хочется знать, к какому виду ползучих гадов относится данное существо. Ещё меньше я испытываю желание углубляться в причины его пристрастия к человеческому мясу. Благо, ведьма также не торопится делиться со мной подобной информацией, ведь скоро я всё равно уеду. Надеюсь...

— Чёртовы браконьеры. — Бормочет хозяйка, копаясь в шкафу. На полу оказывается уже знакомый мне тулуп, а также вязаная кофта с толстыми колготами.

Без малейшей заминки, она натягивает на себя каждый атрибут одежды вместе с грузными валенками, стоявшими у самой печи. Теперь она снова походит на матрёшку, и я не могу сдержать улыбку.

— Чего скалишься? — Бухтит она в ответ на мою реакцию.

— Не знаю. — Пожимаю я плечами. — Как эти бедолаги в тебе вообще девушку разглядели? В таком-то облачении.

— Ой, можно подумать, это их первая попытка. — С губ ведьмы срывается грустный смешок. — Просто в этот раз они пришли за этим. — Она демонстрирует мне знакомую серебряную пулю. Мы нашли её только вчера, но мне кажется, будто прошла уже целая вечность. Наверное, всё дело в погоде.

— Погоди, я слышал их разговор, и, как по мне, они имели совсем другие цели.

— Те самые цели однажды уже привели их сюда, и они ничего не получили. Но колдунам порой необходимо маскировать под что-то истинные причины своих манипуляций. Чтобы люди ничего не заподозрили.

— Получается, их как будто использовали? — Полная картина всё ещё не сформирована моим осознанием, но вопросы впереди планеты всей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.